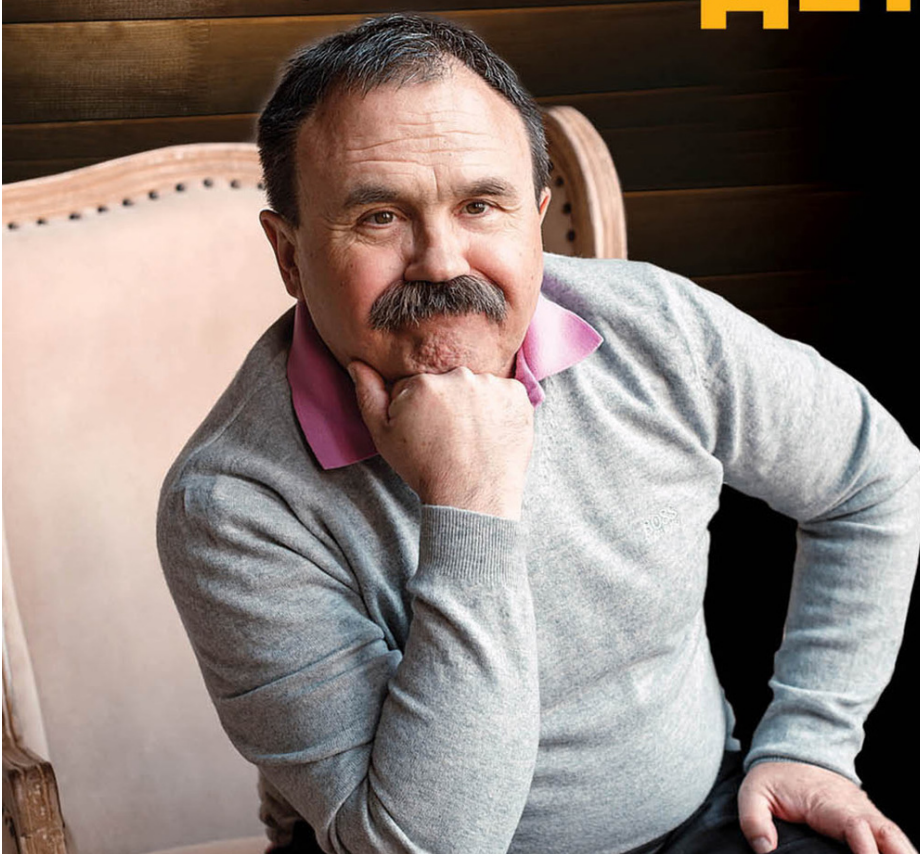




НЕ

Только ДЕТЕКТИВ



Сборник
яркой
малой
прозы
к юбилею
автора.

СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВ

Сергей Литвинов
Не только детектив

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литвинов С.

Не только детектив / С. Литвинов — «Эксмо», 2020

В сольный проект Сергея Литвинова вошли рассказы и очерки в разных жанрах, написанные за сорок лет творческой работы. Представитель яркого литературного дуэта мастеров современной остросюжетной прозы – Анны и Сергея Литвиновых – раскрывается в этой книге с новой, неожиданной стороны.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинов С., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие	6
I. Отдел сатиры и юмора	9
I.I. Застой	9
Сказка про крокодила	9
Тест	10
Скромность	11
Противоядие	11
Враль	12
Неудачный ребенок	13
Кто нашел часы?	13
Буркин и море восхищения	15
Золотые руки	15
«Хотя видит иначе...»	16
Снежный человек	17
Крепкий выпускник	18
Хоть на край света	19
Счастливчик	20
Фрида, скажи Рите	20
Друг бесценный	22
Этот противный Бирюзов	23
Его университеты	23
Мама	24
I.II. Отдел сатиры. Перестройка	26
Письмо в Гаагу	26
Срочное задание	26
Плач по 6-й статье[1]	27
Обновление нашего дома	28
Русская женщина	28
Последний бой кибальчиша	29
В метро	30
Бутылочка	30
Бутылочка-2	31
Секса у нас нет!	32
Издательские муки	33
Концовка	34
Праздник первого ваучера	35
Список добрых дел	36
Прием ведет доктор Сексодромский	38
II. Из стола	39
В траве сидел кузнечик	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Литвинов

Не только детектив

© Литвинов С.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Предисловие

Уважаемая публика знает меня как мужскую часть литературно-криминального дуэта «Анна и Сергей Литвиновы».

Да, это была, конечно, блестящая идея (справедливости ради – пришедшая в голову моей родной и любимой сестре Ане): объединиться в творческий тандем. Порукой тому, что задумка оказалась удачной, стали опубликованные за двадцать лет совместной работы более чем семьдесят романов, вышедших суммарным тиражом свыше одиннадцати миллионов экземпляров.

Но помимо коллективного творчества каждый из нас писал (и пишет) что-то соло. Я настроил, наверное, больше просто потому, что старше моей замечательной сестры и соавтора на одиннадцать лет. И до того, как мы стартовали вместе, уже имел кое-какую писательскую и журналистскую биографию.

Перечитав сейчас рассказы и очерки, написанные единолично, я счел, что они могут стать интересными для широкого, что называется, круга читателей. И не только в силу органически присущих им (скромно скажем) литературных достоинств. Ведь, взятые вместе, они представляют собой своего рода памятник времени, в котором мы жили.

В самом деле! Первый рассказ, включенный в сборник, был написан в 1978 году. Тогда Брежневу как раз вручили орден «Победа», на экраны вышел фильм «Мимино», а Карпов играл матч за звание шахматного чемпиона с «перебежчиком» Корчным. Разумеется, приметы тех баснословных годов в том романтическом и ироничном рассказике «Сказка про крокодила» отразились. Так же как время оставило свой отблеск на всех публикуемых здесь вещах.

Рассказы и очерки, вошедшие в книгу, последовательно отражают все четыре эпохи, которые мне, совместно со многими из вас, довелось прожить: Застой, Перестройку, Девяностые и нынешнюю Стабилизацию (называемую иными злыми языками Стабилизец).

Поэтому в книге – четыре раздела. Но не только – согласно временам, в которых вещи писались. Еще и – по жанрам.

Я входил – а точнее сказать, протырялся или проскальзывал – в советскую литературу двадцатилетним мальчиком. И тогда – об этом знали все сведущие и, без зазрения, учили новичков – легче всего проходили в печать, через заслоны редакторов и цензуры, юмористические, иронические вещи. Во всех без исключения газетах и журналах существовал «отдел сатиры и юмора». Даже в «Советской торговле», «Советском шахтере» и «Лесной промышленности». Наиболее известный – «Клуб 12 стульев» в «Литературной газете». На самых высоких позициях стоял так называемый «журнал политической сатиры» – «Крокодил». Весь СССР утром в воскресенье слушал передачу отдела сатиры и юмора Всесоюзного радио «С добрым утром!», а по будням по «Маяку» – «Опять двадцать пять».

Признаться, *сатиры* во всей тогдашней продукции многочисленных *отделов сатиры* (и юмора) встречалось маловато. Изю всех стволов палили (как и сейчас) в основном по американским империалистам. А по части внутренних недостатков – узок оставался круг разрешенных тем. К печати, например, не допускались даже такие словосочетания, как «бутерброд с колбасой», или «с сыром», или даже «с маслом» (надо было с «килькой», чтобы не дразнить измученное нехватками народонаселение). Нельзя было героя юморески назвать Леной – чтоб не было аллюзий и контаминаций с царствующей особой... И тому подобное. Однако в дозволенных пределах – юмор, ирония, зубоскальство процветали пышным цветом.

По счастью, мне легко и счастливо давались ироническая интонация и сам жанр короткой, парадоксальной истории с неожиданной концовкой. Рассказы и рассказы, вылетавшие из-под моего пера в начале восьмидесятых, вдруг стали много и бурно публиковать. Они выходили и в том самом «Крокодиле», и в вышеупомянутом «Клубе 12 стульев», и в «Московском комсомольце». Но более всех – в «Студенческом меридиане», где существовал один из самых

ярких и вольнолюбивых юмористических разделов, возглавляемый Владимиром Слуцким. Поэтому практически все рассказы, представленные в первой части настоящей книги, появлялись на страницах советской партийной (а потом антисоветской и антипартийной) печати.

Иное дело – рассказы/повести/романы серьезные. Их новичку протащить в печать в позднем Союзе представлялось практически невозможным. На страницах журналов и книг царил невозможный, ходульный советизм. Те, кто пробивался из настоящих авторов (Аксенов, Астафьев, Распутин, Белов, Стругацкие, Катаев, Искандер...), делали это с болью и кровью. Если пробивались, конечно. Я был не классикам чета. Хотя тогдашние запреты сейчас кажутся просто смешными. И недалекими. Вот вы прочтете здесь рассказ «В траве сидел кузнечик», который я написал в 1980 году. Кому я только его тогда не показывал, каким только писателям, редакторам, руководителям литературных студий и объединений, в какие только редакции не стучался. Но звучал единодушный вердикт: «Рассказ хороший, и даже очень, но его никто не напечатает». Почему? Вы сами удивитесь: что там, спрашивается, такого страшного-антисоветского? Да ничего, кроме ощущения безнадеги от всеобщей фальши и лицемерия – особенно, наверное, неприемлемого ответственным редакторам оттого, что герои истории (как и автор) совсем юны. Поэтому так и долежал рассказ в столе до нынешних времен. Его, как и несколько других серьезных вещей, написанных в советские годы, я публикую здесь впервые. (Для остальных – еще не подошло время.)

Девяностые годы – пора, когда всем нам потребовалось выживать. Но те времена ознаменовались удивительно свободной, распрямленной и раскованной журналистикой (невиданной в нашем Отечестве ни до, ни после). И я счастлив, что в девяностые имел право и возможность писать и публиковаться легко и открыто. Волею судеб я трудился тогда в журнале «Смена», который был популярен в застой, приумножил число читателей в перестройку – а в девяностые боролся, вместе со всей страной, за достойную и счастливую жизнь, не опускаясь при этом до злобной политики или разнузданной сексухи. Какие-то вещи, написанные в те годы, устарели, какие-то – носили слишком утилитарный характер. Однако несколько очерков, на мой скромный взгляд, не состарились. Их я тоже отобрал для данной книги и предлагаю вам на суд.

Тут ведь еще какая интересная штука! И первый из жанров, представленных здесь, – короткие юмористические, иронические рассказы, и последний – очерки, большей частью путевые, – оба они нынче практически умерли. Или, скажем точнее, впали в анабиоз. Жанры эти почти не представлены сейчас на страницах российской печати – тем, возможно, будет интереснее, когда и если они оживут. И в этом смысле – как памятник ушедшим формам – прочитать вышесказанные рассказы и очерки будет, надеюсь, поучительно.

И наконец, в нынешние времена – несмотря на то, что мы с моей великолепной сестрой и соавтором Аней плотно заняты своим непосредственным делом: пишем для вас остросюжетные романы/рассказы/повести, – нам все-таки удастся каждому создавать кое-что, отдельное от другого. Это – и заметки в фейсбуке, и дзен-канал, что ведет Аня. Это – и рассказы (в основном мемуарного – или псевдомемуарного – характера), которые я написал для различных сборников, выходявших в издательстве «Эксмо». Их я тоже предлагаю вам на суд.

И в заключение вступительного слова хотелось бы отдать должное тем, без которых не состоялась бы эта книга – а я не состоялся бы как автор. Хочу поблагодарить всех моих редакторов – и ныне здравствующих, и безвременно ушедших.

Это – Гоги Мухранович Надарейшвили, который взялся пестовать меня, семнадцатилетнего мальчика, в газете «Лесная промышленность». Мои редакторы – из того же издания – Вадим Дмитриевич Соколов и Юрий Максимович Некрасов (которых, к сожалению, уже нет среди нас).

Это – Владимир Слуцкий, который самый первый мой рассказ (ту самую «Сказку про крокодила») напечатал в «Студенческом меридиане» и потом взял для публикации еще много, много моих историй. Это – Михаил Казовский, который придумал «Крокодилский лицей»

и долго вел его. Дмитрий Иванов и Владимир Трифонов (оба, к сожалению, почившие), что стали моими наставниками в этом «Лицее».

В журнале «Смена» меня пестовали Владимир Анисимов и Валерий Гуринович (оба, они, увы, предстали перед Господом в достаточно молодом возрасте, в те самые девяностые). Глубоко благодарен я также главному редактору «Смены» (который руководит журналом до сих пор!) Михаилу Григорьевичу Кизилу.

Хочу также выразить глубочайшую признательность – коллегам, которые подали идеи и для очерков последних лет, и для этой книги: Ольге Аминовой, Анне Антоновой, Ирине Архаровой. Спасибо нашей (с Аней Литвиновой) постоянному редактору Анне Гедымин.

И наконец, низкий поклон двум очень разным прекрасным женщинам, каждая из которых, своим образом и в своем стиле, держит меня на плаву, помогает, пестует, заботится, вдохновляет: моей сестре и соавтору Анне и моей верной и многолетней супруге Светлане.

Спасибо всем, мои дорогие.

I. Отдел сатиры и юмора

I.I. Застой

Сказка про крокодила

Толик снял трубку, набрал номер. Гудков не было, но через шорох эфира стали слышны голоса: телефонная станция подключила его к постороннему разговору.

Говорили юноша и девушка. Они явно были не знакомы. Он убеждал ее в необходимости свидания с ним. Он говорил, что срочно уезжает в Африку и что ему не на кого оставить любимого крокодила Тошу. Она отнекивалась, но потом напор и бархатность его голоса победили, и они уговорились встретиться завтра в пять у афиши кинотеатров, как раз возле метро, где жил Толик. Юношу с бархатным голосом звали Саша, а девушку – Лена.

Толик грустно повесил трубку. Он знал этот способ знакомства. Так обычно знакомились мускулистые, джинсовые, самоуверенные парни. Они добывали телефоны хорошеньких девушек и настойчиво выясняли, работает ли баня, или предлагали купить крокодила.

А Толик не умел знакомиться с девушками по телефону. На улице он тоже никогда не знакомился. Однажды он повстречался в ресторане с женщиной лет тридцати и проводил ее до электрички. Этот факт он всегда вспоминал с гордостью.

А вообще Толик был умен, неуклюж и застенчив.

И с грустными мыслями о предстоящем завтра совсем другим людям свидании он улегся спать в своей молодой холостяцкой квартире.

А назавтра был ароматный и свежий весенний день. Все таяло, звенело, брызгало, светило. Люди куда-то спешили, веселились, обдавая других своею веселостью.

И неожиданно для себя в половине пятого Толик вышел из дому и направился к метро. Ноги сами несли его.

Он остановился у афиши. Людей не было. Угол ее отклеился и хлопал на ветру, показывая коричневую клееную изнанку.

– Так где ваш крокодил? – услышал Толик и оглянулся. Спрашивала девушка, она смотрела на него весело и открыто.

Чувство радости и свободы, казалось, волнами исходило от нее.

– Он со мной, в портфеле, – неожиданно выпалил Толик и смутился. Она улыбнулась, и Толику вдруг стало легко и свободно. – Знаете что? Крокодилу ежедневно надо гулять. По два часа. Давайте его прогуляем? – Он сказал это неожиданно для себя и смутился.

– Идет, – весело согласилась девушка.

Толик вдруг взял ее под руку. Для него это был подвиг.

– А ошейник у вас есть?

– У меня? – с ужасом спросил Толик.

– У него, – засмеялась она, показывая на портфель.

– Нет. Ему не нужен ошейник. Я прорезал для него дырочки. Он дышит, – серьезно сказал Толик.

– Бе-дней, – ласково протянула она, – ему там жарко.

– Отнюдь. Тоша очень неприхотливый. Кушает мало, спит у меня в ногах...

– Брр.

– ...Единственная забота – раз в две недели купать его и натирать «Пемоксолью». А то он потеряет естественную зеленую окраску.

Она рассмеялась:

– А вы-то сам кто такой? По Африкам разъезжает... У-уу...

– О, я чр-резвычайно известный человек. Играю на кларнете в битгруппе ЖЭКа. Изучаю языки хинди и суахили. Постоянно самосовершенствуюсь. Читаю по ролям Гомера и Марио Варгаса Льюсу... Зовут меня, кстати, Толик. То есть нет, Саша.

Она внимательно посмотрела на него. Толик испугался разоблачения и быстро спросил:

– А вы? Расскажите мне о себе...

Было темно, когда они подошли к ее подъезду. Только по гаснущим окнам многоэтажек можно было понять, что уже совсем поздно. В подъезде горел желтый казенный свет и было тихо, только подвывал на этажах лифт, в котором ездили уборщицы – мыли лестницу.

Ее легкая рука лежала в его руке.

– До свиданья, – шепотом сказала она.

– Пойдите, – сказал он и наклонился к ней. Их горячие лица соприкоснулись.

– Не уходи, – как в бреду шепнул он.

Она обхватила его руки.

– Поздно... Пора. Мама... Меня ждет мама... Нет, не уходи. Иди сюда.

– Ми-лая...

Они стояли, обжигаясь друг другом, у холодной подъездной стены. Они не замечали, как проходило время.

Потом она сняла руки с его плеч, жаркая, растрепанная, запрыгнула на ступеньку и, покачавшись на одной ножке, сказала:

– Ты знаешь, я не Лена. Только ты не теряй свою естественную зеленую окраску. Я случайно подслушала ваш разговор с настоящей Леной. Телефонная станция, верно, ошиблась... И я пришла. Посмотреть на вас... Я побежала. Пока.

Он не успел шагнуть к ней, когда она, поцеловав его, угловатыми движениями взбежала на ступеньки, а потом еще выше, на второй этаж.

Ее шаги гулко отражались в подъезде, потом звонок, голоса, и хлопнула дверь.

Толик вышел на улицу. Холодный воздух. Его лицо горело от ее губ.

Прохожих не было.

Когда Толик проходил мимо афиши, где они встретились, там стоял одиноко парень. Высокий, мускулистый, бархатный, он печально держал хрустящий букет гвоздик.

Толик подошел к нему и сочувственно спросил:

– Что, не пришла?

Парень горько покачал головой.

– А как же с крокодилом?

– Подохнет, очевидно, – серьезно и скорбно ответил парень.

1978

Тест

После ужина мужчины перешли в гостиную. Кофе, сигареты, расстегнуты пиджаки, полу-распушены галстуки.

Дима сразу же заговорил о женщинах.

– Благородные сеньоры, не желаете ли вы услышать новую теорию, как надо выбирать себе невесту? – спросил он, откидываясь в креслах. – Маленький такой тестик.

– Желаем, – сказал Леха.

– Давай, давай!.. – завопили все.

– Это очень просто. Никаких затрат. После знакомства вы приводите ее в незнакомую обстановку. Лучше к себе домой. И наблюдаете за ней. Весьма осторожно. И делаете выводы.

Бросится к зеркалу – значит, ветреница, считает себя красавицей. Пойдет на кухню – домовита, хорошо готовит. Начнет смахивать пыль, наводить порядок – хозяйственна, чисто-плотна. Станет разглядывать ваши бумаги на столе – любопытна. Пойдет к книжным полкам – умна, начитанна, интеллектуальна... Ну и так далее. Простейший тест.

– Ну, и свою Катю ты выбирал по тому же принципу? – сразу спросил чрезвычайно заинтересовавшийся Миша.

– Да, конечно.

– И что же она стала делать?

Дима загадочно улыбнулся.

– Пошла на кухню?

– К книжным полкам?

– В ванную?

– Нет, ребята, не угадаете. Она просто тихо села на диван и не отрываясь смотрела на меня большими и нежными глазами, и когда я ходил по комнате, голова ее поворачивалась за мной, как подсолнух.

1981

Скромность

Мы вошли в лес. Момент благоприятствовал. Робость была смята и отброшена.

– Послушай, я давно хотел тебе сказать, – пробормотал я.

– А вот ландыш! – вскрикнула она и бросилась к растению. – Он еще не цветет. Они зацветают в конце мая. Но у нас обычно только в июне... – И она принялась мило щебетать о цветах.

Через полчаса я вклинился в паузу.

– Знаешь, когда ты рядом, у меня такое чувство, что...

– Белка, белка! – закричала она, очевидно не слушая. – Смотри – она линяет. Хвостик какой реденький. Ну что, маленький, кушать хочешь? Нет у нас семечек, нету...

Лес скоро кончился. Вышли на шоссе. Цветов и белок здесь не наблюдалось, и я предпринял еще одну попытку.

– Возможно, ты не поверишь, но я тебя очень...

– «Пежо»! Смотри же – спортивный «Пежо»! Новая модель. У, скоростица!

Скоро мы подошли к ее дому. Она меня пригласила.

Я, естественно, согласился. Лифт. Двери. Комната пуста. Нежно взял ее за руку.

– Ты можешь решить мою судьбу. Или...

– А вот Фолкнер, – сказала она, подходя к полкам. – Интересный писатель. Типичный представитель американского романа...

Я в сердцах отвернулся, затем начал быстро прощаться.

У дверей она сказала:

– Я чудесно провела время. Ты позвонишь еще?

Я посмотрел мимо, на старинный гардероб.

– А вот шкаф. Викторианский стиль, эпоха рококо. Типичный представитель романтизма. В таком же у меня лежат Фолкнер и чучело белки. До свиданья.

1981

Противоядие

Я – ученый. Не крупный, но маститый. И целый день я слышу от своих подчиненных:

- Андрей Ильич, ваше глубокое понимание материала...
- Ваше превосходное умение строить гипотезы...
- Ваш необыкновенно широкий кругозор...
- Ваш редкостный талант руководителя...
- Ваше мастерство педагога...

Все, вплоть до секретарши, твердят:

- Ваше личное обаяние... Ваш тонкий ум... Высокий лоб...

Чудный костюмчик... Проницательные глазки...

И под вечер мне начинает казаться, что я одарен, как Эйнштейн, и мудр, как Сократ, что я талантлив, как Галуа, и обаятелен, как Бельмондо.

Тогда я выхожу в коридор института и начинаю расхаживать по нему, покуривая и разбрасывая вокруг себя пепел.

Скоро появляется уборщица Настя и начинает злобно шваркать шваброй, приговаривая при этом сквозь зубы:

– Ишь, расходился тут, кривоногий... Цельный день чай в кабинете распивает. Бумажки перекладывает. Думает, мол. Да разве с такой рожей чего придумаешь... Каклет налопался, идол, теперь по коридору шлындарит...

Я улыбаюсь и ухожу.

Ежедневное противоядие от подхалимажа я принял.

Уборщица Настя помогает мне не зарываться.

1982

Враль

Саша врал вдохновенно. Да и чем он, собственно, мог покорить ее – не внешностью и уж, во всяком случае, не остроумием.

– ...Сидим мы с Андрюхой, пьем шампанское. Тут входит Вова, говорит: «Рванули в «Прагу»?» Рванули.

– А Андрюха – это кто?

– Макаревич.

– А Вова?

– Пресняков.

– ...Гарик мне говорит: «Тебе, старик, мат в семь ходов». А я ему: «На третьем ходе жертвую туру, тогда тебе крышка!»

– Гарик – это...

– Каспаров.

– ...Тут Андрюша кончил читать стихи, я ему: «Отлично! Ты изумительно пишешь». А он: «Ты мне тоже всегда нравился, старик». Мы расцеловались, он познакомил меня с Женей, тут как раз Булат подошел...

– А это кто?

– Вознесенский, Евтушенко, Окуджава...

Когда Саша сделал ей предложение, она сморщила носик и сказала:

– Хорошо. Но с условием – на свадьбу ты приглашаешь всех своих знаменитых знакомых.

– Зачем? – забормотал Саша. – Они занятые люди, многие в поездках заграничных...

– Разговор короткий, – отрезала она, – если их не будет, то и свадьбе не бывать.

Что оставалось делать Саше? Только надеяться на чудо.

Но...

Платье невесте шил Зайцев. На свадьбе демонстрировал фокусы Акопян. Гимн ново-брачным пел Боярский.

Бельмондо показывал приемы карате официантам. Невеста была в восторге.
Когда гости расходились, они обнаружили у дверей заплаканного Адриано Челентано.
У него не было приглашения, и его не пустил стоявший на часах комиссар Каттани.
Только любовь способна творить такие чудеса!

1981

Неудачный ребенок

Продавец Палуев вошел в вестибюль родильного дома и направился к окошку справок.
– Скажите, – робко спросил он, – как Настя Палуева? Она еще не родила?
Справочная девушка парилась в бумагах и казенным голосом сказала:
– Поздравляю. У вас – девочка. Вес – три кило двести, рост – 48 сантиметров. Состояние хорошее.

Палуев озабоченно улыбнулся. Отошел, почесал в затылке, потом опять приблизился к окошку.

– Девушка, – сказал он, – а нельзя ли заменить? Понимаете, мне не очень подходит размер.

– Кого заменить?

– Ну, девочку. Размер уж больно маловат. Мне хотя бы грамм на триста больше и длиннее сантиметров на пять...

– Вы что, товарищ, ненормальный?

– Я понимаю – трудно. Но, может, вы поищите? На складе или на базе? Вдруг завалялась?

– Вы шутите?

– Ах, да какие шутки... Вы знаете, вообще-то мы с Настей хотели мальчика. Чтоб был такой Васька, бутуз, с голубыми глазами. Я б с ним в походы ходил, плотничать научил бы... Может, сделаете? Мне не к спеху. Я могу и в конце месяца зайти.

– Отойдите, гражданин. Бред какой-то несете, – и девушка сердито зашелестела бумагами.

Палуев вздохнул и участливо спросил:

– Что, тяжело? Много брака? Я ведь, в случае чего, могу и с нагрузкой взять. Вы не сомневайтесь. Лишь бы парень был, 3700 или 3500, на худой конец.

Тут в вестибюль упругим шагом вошел еще один посетитель.

– Ирочка, ну что, все в порядке? – интимно спросил посетитель, пригибаясь к окошку.

– В порядке, – улыбнулась девушка. – У вас мальчик. 3800, рост – 58.

– Глаза голубые?

– Голубые.

– Огромное спасибо, милая. Я вам так благодарен!

Посетитель протянул девушке огромную коробку конфет и пошел к выходу, сочась благополучием.

– Господи, и всего-то за одну коробку... – прошептал Палуев и, стиснув зубы, зашагал к ближайшей кондитерской.

1982

Кто нашел часы?

(Подсмотрено на доске объявлений в студенческом общежитии)

Кто нашел часы в умывальной комнате (дамские, позолоченные) – просьба занести в комнату 646.

* * *

Найдены часы (дамские, позолоченные). Можно получить их в комнате 117.

* * *

Товарищ, обнаруживший часы!

Ради бога, извините, все время страшно занята: лекции, семинары, секция фигурного катания, абонемент в «Иллюзион»... Ужас!.. Зайдите, пожалуйста, ко мне сами.

* * *

Прекрасная незнакомка!

Как же вы обходитесь без часов, бедная? Знаете, я ведь тоже очень занят. Сессия на носу плюс новая программа в агитбригаде... Давайте сделаем так: напишите мне, когда вы свободны, и я приду к вам с часами. Кстати, меня зовут Игорь. А вас?

* * *

Игорь!

Я свободна во вторник, с восьми вечера, и в воскресенье с двух дня. Меня зовут Юля. Я очень благодарна, что вы уделяете мне так много внимания. Еще раз извините.

* * *

Юля!

У меня созрела потрясающая идея: приходите во вторник ко мне, в комнату 117. Вы заберете часы, а я угощу вас чаем. Кстати, мама привезла мне вчера обалденный пирог с клубникой. Приходите! Я буду вас ждать.

* * *

Игорь!

При прощании я растерялась и не поблагодарила тебя за приятный вечер. Так вот – спасибо.

* * *

Юленька!

Достал по случаю два билета в Театр на Таганке.

Буду тебя ждать завтра, в пять часов, у института. Спектакль – «Мастер и Маргарита». Жду!

* * *

Милая, дорогая, любимая Юля!

Я сказал тебе все, что хотел сказать. И вот мы простились, я в своей комнате, а сердце полно тобой. Так хочется повторять снова и снова: я люблю тебя. Так хочется, чтобы весь мир узнал: я люблю тебя. ЛЮБЛЮ ТЕБЯ! Завтра я повешу этот листок на доске объявлений, нашей доске. Не кори меня за сумасшедшую выходку: это только от любви к тебе.

* * *

Юлия Солнцева и Игорь Стеколычиков сообщают о своей свадьбе и приглашают желающих поздравить 2 июня в 18 часов в комнату 117.

* * *

Товарищи студенты!

Не оставляйте свои часы и другие носильные вещи в местах общего пользования. Учтите, что это может привести к самым неожиданным и неприятным последствиям.

Комендант.

1982

Буркин и море восхищения

Начальник отдела Буркин писал юмористические рассказы.

Он зачитывал их на работе, и все смеялись и бурно выражали свое восхищение. Потому что Буркин был начальником отдела.

Однажды он принес рассказ литконсультанту Коршун-Ястребовскому. Тот тоже выразил ему свое восхищение, потому что тесть Буркина был слесарем в автосервисе.

Тогда Буркин отдал рассказы редактору Черкалову, и тот, в свою очередь, выразил свое восхищение. Потому что жена Буркина была завотделом магазина «Тысяча крупных вещей».

Рассказы издали, и критик Варанский написал статью, в которой несколько раз выражал свое восхищение. Потому что Буркин угостил Варанского восхитительным ужином в ресторане «Перо».

После этого Буркин стал известен и даже начал вести семинар молодых юмористов. В семинаре занимаются Иван Петрович, Владлен Давидович и Зоя Филипповна. Они по очереди читают свои рассказы, и Буркин всем им выражает свое восхищение. Потому что Иван Петрович – брат литконсультанта Коршун-Ястребовского, Владлен Давидович – сын редактора Черкалова, а Зоя Филипповна – жена критика Варанского.

1982

Золотые руки

«В этой семье явно не хватает мужского начала, – думал Слава Козырев, следуя с воскресным визитом в дом к любимой девушке Гале. – Это надо использовать. Она должна понять: с мужчиной лучше, чем без него».

Прибыв в квартиру, Слава сдержанно и с достоинством поздоровался с Галей, а затем последовательно с ее мамой, ее бабушкой и ее сестрой.

Галя провела Славу в свою комнату. Слава оценивающе огляделся.

– Осваивайся, – сказала Галя, – я сейчас.

И вышла.

Слава тут же кошачьим шагом подошел к магнитофону, конспиративно оглянулся, залез в его внутренности и что-то там открутил. Потом бросился к телевизору и вырвал из него предохранитель. А потом двинул ногой по ножке книжного шкафа – так, что шкаф грузно закрипел и перекосялся.

Покончив с этим, Слава удовлетворенно опустился в кресло.

Вошла Галя.

– Скоро будем обедать, – сообщила она. – Как дела в институте?

– Давай лучше послушаем магнитофончик, – фальшивым голосом предложил Слава.

– Как скажешь.

Галя щелкнула кнопкой. Магнитофон не работал.

– Не работает, – весомо констатировал Слава. – Быстро неси мне отвертку, плоскогубцы, пассатижи.

Галя покорно принесла инструменты.

– Отвертку. Держи здесь. Теперь здесь, – коротко командовал Слава. Он быстро входил в роль хозяина. – Включи пока телевизор. Там «Утренняя почта».

– Ой, а он тоже сломался...

– Починим. Дойдет и до него очередь, – сквозь зубы бросил Слава. – Так, магнитофон сделал. Будет работать, как часы. Тебе повезло. Еще бы два часа промедлила, и все, пиши пропало. Приворачивай крышку, я займусь телевизором.

Галя неумело принялась завинчивать винты, а Слава деловито подошел к телевизору, сделал над задней крышкой несколько пассов, вставил предохранитель и щелкнул выключателем.

Телевизор заговорил голосом Юрия Николаева.

Слава потер руки, мимоходом поправил, слегка крикнув, перекошенный шкаф и уселся в кресло. Развалился, откинулся. Устало, по-мужски, по-хозяйски...

Галя посмотрела на него очень нежным, очень преданным взглядом. Потом подошла и присела на ручку кресла.

– Милый, – ласково сказала она, – я там белье замочила. Может, простирнешь?

1982

«Хотя видит иначе...»

– Знаешь, иногда думаю, – вдохновенно говорил он, склоняясь над ней, – что другие люди видят все не так, как я... Вот лист. Я вижу его зеленым. А для другого он – красный. Но все говорят – листья зеленые. И другой это повторяет, хотя видит иначе. Или этот асфальт, черный от дождя, лоснящийся. Кому-то он кажется белым. Но люди условились называть его черным... Ужасную чепуху болтаю?

– Нет, не ужасную, – сказала она.

Ей хотелось зевнуть, но она понимала, что этого делать не следует.

Он проводил ее, потом ехал домой, и перед его внутренним взором стояли только ее огромные голубые глаза, и губы ее, и маленькие нежные ручки. Ничего больше он не видел и с ласковой улыбкой перебирал в уме подробности свидания.

А она видела иначе: у него хорошая квартира и очередь на машину, он неплохо зарабатывает; он не пьет, не курит, наконец, он любит ее, и, стало быть, она может делать с ним все, что захочет.

Она все видела иначе.

1981

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

– Дело такое, Дмитрий Львович, – несколько смущенно проговорил директор НИИ «Природоведение» Курдюков, человек интеллигентнейший, мягкий, – жалуются на вас сотрудники.

Слонимов, начальник отдела мозолоногих, усердно ел глазами директора.

– Да вы садитесь, Дмитрий Львович, – устало махнул рукой директор. Слонимов сел по стойке «смирно». – Сетуют: грубите вы подчиненным. Кричите на них. Ногами топаете. Нельзя же так, голубчик... Хочу посоветовать вам: проявляйте побольше демократизма. Вас должны не бояться, а уважать... Будьте с людьми поласковее. Поговорите с ними о чем-то общечеловеческом. О футболе, например. Спросите, как здоровье. Похвалите новое платье... Хорошо? Ну, идите, голубчик.

Слонимов кивнул, повернулся и вышел.

Слонимов был человеком дела и все, что говорил директор, понимал как непосредственное указание. И сейчас, следуя к себе, он уже намечал план действий.

На лестничной площадке Слонимову встретился самый робкий, самый забитый его сотрудник Шуршанчиков. Шуршанчиков курил, печально глядя в окно.

«Ага, на ловца и зверь бежит», – подумал Слонимов. Он тихо подошел к Шуршанчикову и громовым голосом опросил:

– Что, проиграл «Спартак»?

Шуршанчиков вздрогнул от начальственного баса и выронил сигарету.

– Да... вот... травмы... – пробормотал он.

– Травмы... – презрительно протянул Слонимов. – Почему Гаврилов не забил в пустые ворота? Почему, я вас спрашиваю?!

Шуршанчиков растерялся. Вид у него был такой испуганный, словно это он, младший научный сотрудник Шуршанчиков, лично держал Гаврилова за ногу в штрафной площадке.

– Играть надо! – рявкнул Слонимов. – Лучше играть!!!

У Шуршанчикова задрожали руки.

– Да я... – стал оправдываться он.

Слонимов брезгливо отстранил его и прошел в свой кабинет.

Сев за стол, он пометил на отрывном календаре:

– футбол

– здоровье

– новое платье

и против пункта «футбол» поставил жирную галочку.

– Далее! – снял телефонную трубку. – 2–74!.. Черт, занято! 2–68!.. Вагонетко мне!.. Куда вышел? Вечно он где-то шляется! Найдите его, да поживее, поживее!.. Вагонетко? Слушайте, как ваше здоровье?.. Что? Говорите громче, у вас что, полипы? В порядке здоровье? Коклюшем, ветрянкой не страдаете? Энцефалит прививали? Ну, хорошо, голубчик, – «голубчик» Слонимов произнес тоном, каким обычно выговаривают «сукин сын».

Слонимов поставил вторую галку и прислушался к своим мыслям.

Нет, удовлетворения не было. Было раздражение. Раздражал медлительный Вагонетко, робкий Шуршанчиков, раздражало нелепое поручение директора. Чтобы поскорей развязаться с этим, Слонимов, досадливо морщась, снова накрутил диск.

– 3–17! Юркину ко мне, быстро!

Через три минуты в кабинет вошла Юркина. Она была вся сжата, как пружина, в ожидании обычного начальничьего гнева. Слонимов угрюмо барабанил пальцами по столу.

– Так. Платье, – оценивающе оказал он. – Ну-ка, опустите руки!.. Теперь повернитесь! Пройдите к двери! Платье красивое. Я вас поздравляю.

– Дмитрий Львович, – дрожащим голосом сказала она, – вы вправе меня уволить... но никто не давал вам права издеваться надо мной!.. – В глазах ее появились злые слезы, она опустила голову, но справилась с собой и выкрикнула: – Я заявлю в местком!

Это было последней каплей в чаше Слонимова.

– Ах, вот вы как? – тихим предгрозовым голосом начал Слонимов. – Не понимаете человеческого отношения... и забываетесь, – голос постепенно переходил на «форте», – и смеете говорить начальнику... такие вещи!.. Молчать!!!

Слонимов трахнул о стол мраморную пепельницу и с белыми от гнева глазами, не помня ничего, подскочил к Юркиной и неожиданно для себя укусил ее в плечо. Юркина растерянно вскрикнула и лишилась чувств. На шум сбежались испуганные сотрудники.

...Врачи выносили кандидата биологии Юркину. Ей, правда, пришлось пролежать месяц в больнице и выдержать сорок пастеровских прививок. А вот карьера начальника отдела мозолоногих Слонимова повернула к закату. Его сняли с должности и отправили на Памир отыскивать ископаемый вид мозолоногих. На третью неделю экспедиции, во время перехода через перевал Ниш-Тяк, Слонимов отстал от основной группы. Проводники, которым Слонимов порядком надоел своими бесконечными разносами, не особо рьяно его разыскивали. В институте «Природоведение» его посчитали пропавшим без вести, ханжески повздыхали, да вскоре забыли.

Впрочем, ходили слухи, что Слонимов выжил в высокогорье, приспособился к суровым условиям, оброс волосами, обитает в берлоге и питается сырым мясом.

А среди местных жителей бытует легенда о грозном Хозяине Перевала. Иногда пастухи видят на снегу отпечаток босой ноги, а когда случается им слышать в горах дикий, леденящий душу рев, они уважительно покачивают головами и говорят с почтением:

– Сердится начальник.

1982

Крепкий выпускник

25 февраля. Заведующий кафедрой лично занялся моим распределением. Сегодня он при мне позвонил директору проектного института, доктору наук:

– Семен Петрович?.. Здравствуй. Хочу подкинуть тебе парня из нового выпуска. Сильный студент, знающий. Очень крепкий выпускник.

Слушать это было приятно и немного неловко. Не слишком ли большая честь? С другой стороны, разве много найдется студентов, опубликовавших, как я, три статьи в научных журналах?

Завкафедрой проводил меня до двери. Сказал: «Трудитесь, коллега», – и крепко пожал руку.

1 марта. Выхожу на работу. Наконец-то настоящее, серьезное дело. Кстати, надо взять в библиотеке книжку Дрейфуса и повторить программирование. И еще – всерьез заняться английским... Надо оправдать доверие.

2 марта. Начальница отдела кадров моего НИИ приняла меня радостно:

– Чудесно, что вы к нам пришли! Просто чудненько! А то, знаете, у нас организация в основном женская. Им в инженерном деле тяжело.

С чувством пожала мне руку. Рука у начальницы сильная. Видно, много занимается спортом. Я даже поморщился.

– А мне говорили, что вы крепкий... – несколько разочарованно сказала начальница.

3 марта. Вышел на работу. Подношу каменщикам кирпичи. Строим новый корпус нашего института. В общем-то, не обидно. Для себя стараемся.

10 марта. С Эдиком Крекингом, тоже молодым специалистом, много играем в шахматы, сидя на мешках с цементом. Поддерживаем интеллектуальный потенциал.

29 марта. Очко – гораздо увлекательнее.

4 апреля. В НИИ показали мой рабочий стол. Жаль, не удалось за ним посидеть: прорыв на подшефной овощной базе.

28 апреля. Восемь раз поборол Эдика на руках. Хиляк он. Слабак. Заставил его съесть вилоч сырой капусты. Вот потеха была!

25 мая. Начальница кадров с уважением пощупала мои бицепсы. Поставила задачу: срочно отвыкнуть от выражений, которых набрался на овощной базе. Завтра еду в пионерский лагерь. Не хватает вожатых.

17 июля. Со своими парнями из второго отряда мазал девчонок зубной пастой. Здоровски было! Чуть животики не надорвали от смеха.

2 сентября. Теперь я в колхозе. Никак не вспомню, какую фигуру мне напоминает картофелина. Как же это называется? Кругляшок? Шарик?

18 сентября. Вспомнил: эллипсоид.

15 октября. На конференции молодых специалистов. Очень неудобно сидеть, голова все время падает на грудь. И еще сосед слева жалуется, что громко стучу сапогами (я сюда прямо из колхоза). А у самого-то!.. Вся телогрейка силосом пропахла.

16 октября. Первую премию на конференции дали Эдику Крекингу. Он решил квадратное уравнение и вспомнил, чему равен корень из 100. Надо достичь его уровня хотя бы к Новому году. Вот вернусь в колхоз, буду час в день уделять арифметике...

(На этом связные записи обрываются. Начинаются прописи: «У Павлика была собака», «Мама мыла раму» и пр.)

1982

Хоть на край света

- Когда, когда, когда я смогу видеть вас? Умоляю. Моему чувству нет границ...
- Что вы! Это невозможно... Пустите!.. Давайте завтра.
- О, как вы милосердны!.. Вы дарите мне надежду. Где? Скажите – где?
- А вы не боитесь трудностей, препятствий?
- За вами я готов хоть на край света!.. Хоть на Луну!
- Я буду ждать вас у себя дома.
- О, прелестно!
- Я живу в микрорайоне Барбосово, Шестая Керамическая, дом 23, корпус 6А дробь 115 «бис», квартира 8931.
- Расскажите дорогу, милая. Осветите мой путь лучами яркой путеводной звезды...
- Доедете до станции метро «Гребной бассейн»...
- Там вы живете?
- Какой вы нетерпеливый! Там начинается очередь на 895-й автобус. А кончается она у станции метро «Гносеологическая». Вы сядете на автобус и проедете восемнадцать остановок. Дальше автобус не идет...
- А-а, конечная!
- Нет, дальше у нас лужица. Небольшое такое озерцо. Там у нас ходит паром, как от Тамани до Керчи, знаете? Мы его построили своими силами. Сойдете с парома, а здесь у нас недалеко, километров пятнадцать. Увидите поле, там будут всякие трубы, плиты, кирпичи, ящики. Сначала вам надо идти между плитами и ящиками. Только, ради Бога, не забудьте с собой компас и не пугайтесь криков – по вечерам у нас там воют... Первопоселенцы, знаете. Те, что не выбрались... Потом – труба. Влезете в нее и проползете метров двести пятьдесят.

Когда забрезжит, выбирайтесь. Это будет улица имени Пуска Мартена. Можно считать, почти добрались. Что с вами?

– Что-то голова кружится... Знаете, я, наверно, завтра не выберусь. К врачу надо, совсем забыл.

– Ничего, я напою вас чаем с малиной. Слушайте. После трубы возьмете болотный шест – их у нас выдают напрокат – и пройдете два квартала до моего дома. Там увидите много мостиков...

– Вы, стало быть, как в Венеции...

– Что вы, ха-ха-ха, вы нам льстите. Просто прорвало трубы и разлилась канали...

– До свиданья.

– Куда вы?.. Стойте!

– Я очень спешу.

– Вы же обещали за мной хоть на Луну!.. – жалобно крикнула ему она вслед.

– Так то на Луну! – буркнул он, убегая.

1982

Счастливчик

Нашему однокурснику Сене Пташкину очень не везло в любви. Однажды он назначил свидание Леночке Светловой из параллельной группы. Но у Сени не было теплых носков, поэтому он простудился и на свидание не пошел. После этого ему было стыдно смотреть в глаза Леночке.

Через месяц он договорился о встрече с продавщицей Аллой. В день свидания он порвал брюки. Зашивая их на себе, он весь искололся иглой и на свидание не пошел. Алла была очень огорчена и встречаться больше не пожелала.

Когда боль утихла, Сеня назначил randevу медсестре Марине. В день свидания он готовил себе котлеты, обжегся сковородой и на свидание не пошел.

Марина стала презирать его.

Неожиданно мы узнали, что Сеня женился – на чудной девочке Ларисе.

Теперь Лариса вяжет ему носки, штопает брюки и жарит котлеты.

Так что Сеня сейчас вполне свободно может бегать на свидания. Но ему теперь этого не хочется.

1981

Фрида, скажи Рите

У нас, в отделе Координации пертурбаций, работает пять человек. У каждого на столе стоит телефон. Я, как самый молодой сотрудник, еще не телефонизирован.

Моя работа – размышлять, думать, составлять программы для ЭВМ. Наш шеф, сидящий в отдельном кабинете, сказал как-то, что возлагает на меня большие надежды.

С утра, когда первые лучи светила проникают в мрачные казематы нашего учреждения и со стройки напротив раздается в громкоговоритель первая скороговорка: «Прораб Корабов, пройдите в прорабскую!» – я сажусь читать научный отчет.

«Рассмотрим уравнения первого приближения при отбрасывании членов разложения», – продираюсь я сквозь сложный текст. Первые две страницы идут хорошо, я все понимаю. Голова чистая, ясная. Но так продолжается недолго. Скоро снимается трубка. В телефон начинает мерно гундеть секретарша Леночка.

– Институт «Гидроведро»? Примите телефонограмму. В ответ на ваш двенадцать – сорок два сообщаем, что список насосных станций дан с включением в него Котласа, то есть без его учета. Подпись – Сегментов. Передала Пфедферер.

Постигать научную мысль становится труднее.

Но это еще цветочки. Скоро в разговор – по своему телефону – вступает Миша Пудель.

Все его телефонные беседы удивительно однообразны. Кокетничает ли он со знакомой девушкой или добывает крестовину для «Москвича», Миша односложно роняет в трубку сухим наждачным голосом:

– Нет. Нет. Нет. Нет. Нет. Нет.

Потом он меняет пластинку на противоположную сторону:

– Да. Да. Да. Да. Да.

Иногда его налаженная машина ломается, и он раскошелливается на целую фразу. На какой-нибудь глубокий осмысленный афоризм, вроде:

– Я никогда ничего не думаю, я всегда все только знаю.

А потом снова:

– Нет. Нет. Нет.

Эти «нет» доводят меня до тика. Осоловело смотрю я в отчет. «Развертываем определитель», – читаю я и уже ничего не понимаю. Бессмысленно думаю: «Как это определитель можно развернуть? Это что, кулек с конфетами?»

Скоро свой телефон занимает Танечка. Она у нас молодая мама. Плачущим голосом Танечка жалуется в телефон:

– Мапочка, у Машеньки губка покраснела... И носик красный... И животик... И ручки...

Я уже не способен понимать. Я тупо улыбаюсь и бормочу: «Определитель – знаменатель – числитель...»

Но самое страшное – это Надежда Колоссовна. Она старая дева и меломанка. Ее интересует только опера. В любую погоду она ходит в плаще болонья, старушечьих чулках и калошах. С необыкновенной живостью Надежда Колоссовна кричит в телефон:

– Фрида, как тебе вчера Коля? – всех солистов она называет только по имени. – По моему, лучше Володи. Но все-таки хуже Сережи... О, Сережа!.. – При воспоминании о Сереже она всегда болезненно-сладко стонет. – Кстати, Фрида, скажи Римме, чтобы она передала Рите, что в октябре Лена будет петь с Борей. Дирижировать будет Брамснер!

Я сжимаю кулаки. Мне хочется убить Надежду Колоссовну вместе с ее Фридой и дирижером Брамснером.

Я не выдерживаю, выхожу с отчетом в коридор. Но и туда доносятся крики:

– У него была очень приличная «Тоска»!

– В ответ на ваш шестнадцать пятьдесят три сообщаем, что наш семнадцать сорок три...

– Нет, нет, нет и нет! И никогда не скажу «да»!

– Мама, у нее и спинка красненькая!.. У нее все красненькое!..

– Так облегчить финал первого акта! Как можно так облегчать финал первого акта?!

– Говорит координация! Это из пертурбации звонят!

После работы у меня созревает план.

Ночью я просыпаюсь от яркого ледяного сияния луны. Я одеваюсь, выхожу. Поеживаясь от ночного холода, ловлю такси.

Наш институт темен. Я пробираюсь мимо отключенного швейцара, мимо спящего лифта в комнату. Посвечивая себе детективным светом фонарика, подкрадываюсь к первому телефону. Едва я вздымаю кусачки, из-за железного шкафа вылетает Надежда Колоссовна в вискозных чулках и галошах. Полы ее плаща развеваются. Она закладывает виражи вокруг моей головы и зловеще каркает:

– Ар-рия Гр-ремина! Фрида, скажи Р-рите! «Р-риголетто» пр-рошла пр-рилично!

В ужасе я роняю инструмент, бегу по коридорам, а Надежда Колоссовна со свистом мчит сзади, поддает мне в затылок телефонной трубкой и орет:

– Гер-рцог пел пр-рилично! Р-рита, скажи Фриде!

Потом мне еще долго снится, как сотрудники лупят меня по голове телефонными аппаратами.

1983

Друг бесценный

Когда он приходил на работу, то желал всем доброго утра. Когда уходил, говорил «до свиданья». Больше от него никто не слышал ни слова.

Он сидел за столом в углу и покрывал большие листы бумаги циферками расчетов. Цифры были очень маленькие, а листов – очень много. Временами он паял что-то микроскопическое, и тогда комнату заполнял сладкий запах канифоли.

Иногда он курил в коридоре – маленький, очень серьезный. Сосредоточенно шагал, склонив голову, от одной глухой стены к другой, и казалось, что он носит на плечах что-то огромное и тяжелое.

Никто не знал, как он живет, потому что он ни с кем не разговаривал. Никто не звонил ему по телефону.

Говорили, что он занимается проблемами искусственного интеллекта. Его статья в «Вестнике кибернетики» наделала когда-то много шума. Но он ни с кем не обсуждал свою работу. Ходили смутные слухи, что он создает мыслящую машину и будто бы она уже научилась понимать его и беседовать с ним.

И вот он выходил вечером из учреждения и шел домой. Улица была красивой и яркой. Навстречу шли люди. Они разговаривали, а некоторые даже смеялись. Конечно, ему хотелось поговорить с кем-то. Но о чем он мог рассказать? Его всерьез волновало, почему не идет расчет второго блока, но он понимал, что это не будет никому интересно.

Он заходил в магазин и покупал простоквашу и хлеб. В магазине было самообслуживание, поэтому он не говорил ничего: кассирша называла цену, а он отсчитывал в блюдце деньги.

Потом он ехал в метро. На лицах людей лежала усталая печать прошедшего дня. Все молчали, и он думал, что не воспринимает пассажиров как подобных себе – они были для него частью городского пейзажа. За городом пейзаж – это лес, река, деревья. Здесь – дома, автомобили, люди.

Потом он шел по своему высотному микрорайону. Горящих окон было много, как деревьев в лесу. И за каждым были люди.

Он входил в подъезд, поднимался в лифте. Открывал ключом дверь. Квартира была пустой и молчаливой, но все равно он возвращался с удовольствием, потому что знал: его здесь ждут.

И едва он входил, приветственно загорался теплый свет торшера, просыпался знобкий холодильник, включалась электроплита.

Все они, эти предметы, были связаны разноцветными проводами, все составляли одно – машину, которая любит его.

А навстречу ему из комнаты выбегал телевизор. Он ластился и терся о руки полированной крышкой.

Телевизор жалобно говорил:

– Ну что ты так долго? Мы так соскучились.

Он отвечал ему ласково, как ребенку:

– Не обижайся, милый. Теперь я все время буду с вами.

Телевизор успокаивался и шел на свое место в углу.

1982

Этот противный Бирюзов

Очень нам мешает научный сотрудник Бирюзов. Сидит и целыми днями бьет баклуши. Ударит, прислушается, что-то в тетрадку запишет. А у нас эксперимент идет, нам тишина нужна, возможность сосредоточиться.

Жаловались мы в местком. Но у Бирюзова там, видно, рука. Его не только не наказали, но даже дали выпустить научную работу «Кинематика молотка при ударе по баклушам». Бирюзов после этого совсем распоясался. Бьет баклуши со страшным грохотом, так что осколки по всей лаборатории разлетаются. А у нас эксперимент, нам покой нужен, вдохновение. Ходили мы к директору, но у Бирюзова и там, видать, рука.

Его поощрили, выделили установку, и теперь он диссертацию пишет: «Биение баклуш с промышленной частотой».

От установки – гул, треск, разряды. А у нас эксперимент идет – водичка льется, и каждую капельку надо замерить, взвесить, сфотографировать... И очень этот Бирюзов мешает нашей работе. Нашему дружному вдохновенному труду. Всей нашей лаборатории по переливанию из пустого в порожнее.

1981

Его университеты

Купе скорого поезда. Позвякивают ложечки в стаканах. Вечереет.

Обстановка, располагающая к душевным беседам. Разговаривают два пассажира. Один – огромного роста, атлетического сложения. Другой – тщедушен и очкаст.

Рассказывает здоровяк:

– Шли мы со скоростью сто тридцать. Трасса свободна. И тут у меня лопается передний правый баллон и – одновременно! – левый задний. Вынесло на противоположную полосу. Как затормозил, не знаю. Когда вылез, полчаса курил. Ехать не мог, руки дрожали...

Говоривший помешал ложечкой чай, помолчал.

– А еще был случай, когда я в армии служил. Я десанником был. Представьте – ночной прыжок на лес. Сильный ветер, отнесло меня в чашу, зацепился за дерево. Спрыгнул как-то неудачно. Обе ноги – р-раз! – и сломал. Полежал. Группа поиска меня не нашла. Что делать? Пополз к дороге. Три дня полз, хвою кушал, шишки...

– Прекрасно, – Тщедушный посмотрел на мужчину с восхищением. – Простите, а вы, случайно, в шахте не работали?

– Работал. А что?

– Извините, может, вы и по Северному морскому пути плавали?

– Не плавал. Ходил! Три навигации.

– Замечательно!.. – Тщедушный потер руки. – А на лесоповале, часом, не трудились?

– Было дело. А зачем вы спрашиваете?

– Вы – именно тот, кто мне нужен! Сама судьба мне вас послала. У меня к вам, товарищ, архинеобычная просьба. Даже не знаю, как сказать. Вы не подумайте плохого... Тут, понимаете, вопрос жизни и смерти... Словом, я прошу вас продать мне вашу биографию.

– Чего?

– Продать мне вашу биографию. Ну то есть все факты вашей биографии станут теперь как бы моими. Мне очень надо. Я хорошо заплачу.

– Так. – Здоровяк посмотрел долгим темным взглядом на собеседника. – Что, гад, ЦРУ больше документами не снабжает? Или ты на Интеллидженс сервис работаешь? Ах ты, сволочь! Сейчас пойдешь со мной! В милицию пойдём, ясно?.. Сам им все расскажешь. Сколько тебе сребреников платят, а?

– То-товарищ, – залепетал тщедушный, – гражданин!.. Вы меня не так поняли, клянусь вам! Пустите!.. Я объясню... Пустите же!.. Я – поэт, понимаете? Выходит моя первая книга, дебют, понимаете? Там нужна биография, в предисловии. Знаете, вроде: автор много повидал, познал жизнь не по романам, работал там-то, там-то и там-то, особенно хорошо идет лесоповал и шахта... А я – младший корректор в издательстве. Пятнадцать лет служу на одном месте. Дальше Клязьмы никуда не ездил. Понимаете?.. Мне без биографии никак нельзя. А то редактор иначе меня в люди отправит, как Горького... А мне ведь тридцать пять лет... Куда я пойду? И при чем здесь Интеллидженс сервис?

1982

Мама

Анастасия Филипповна очень гордилась своим умным, талантливым Левушкой.

Близоруко щурясь, она рассказывала подругам:

– Читать Левушка научился в четыре года. И писать, и считать тоже... Когда был маленьким, часто болел, но никогда не жаловался. Сидит себе в кровати – горло перевязано полотенцем – и решает шахматные задачи. Или читает Майн Рида... В школе учился на одни пятерки. Учителя его называли «солнышко наше ясное». А классная руководительница мне так говорила: «Ваш Левушка – наша гордость, луч света в темном царстве».

В институте он был любимым учеником профессора Симонова. Недавно Левушку назначили директором объединения «Изумруд». Предложили персональную машину. А он, чудак-человек, отказался, скромный очень.

Иногда Анастасия Филипповна звонила Левушке на работу. Не то чтобы по делу, просто было сладко слышать, как вежливо осведомляется секретарша Людочка:

– Кто говорит? – и потом: – Лев Андреевич, по городскому Анастасия Филипповна. Соединить?

Но чаще Людочка отвечала:

– Он на коллегии в министерстве.

Или:

– У Льва Андреевича совещание с начальниками главков.

И это было слышать еще приятнее, чем самого Левушку.

Но однажды, когда Анастасия Филипповна набрала номер Левушки, ей ответил незнакомый бородатый голос:

– Он курит в коридоре. Сейчас позову. Левка, тебя!

У Анастасии Филипповны екнуло сердце.

И еще в трубке шумели какие-то малосолидные голоса.

– Левушка, кто это отвечает? Где твоя Людочка?

– Мама, Людочка вышла, а это мой школьный друг, замминистра.

– А почему ты куришь в коридоре? Разве тебе нельзя курить в кабинете?

– Я делегацию вышел проводить... Из Кембриджского университета... Разговорились с профессором Харпером.

– Что это у тебя так шумно?

– Важное совещание, мамочка. Товарищи из Академии наук.

Мама не догадалась.

Левушка врал, мучительно краснея шеей, под насмешливыми взглядами сослуживцев.

«Мама не догадалась, – горько подумал он. – Хорошо».

Только это-то и хорошо. Каково ей было бы узнать, что ее необыкновенный Левушка до сих пор младший научный сотрудник с окладом сто тридцать рублей.

– Прости, пожалуйста, не буду тебе мешать...

Левушка положил трубку и жалобно сказал:

– Товарищи, ну я же вас просил... – не договорил, безнадежно махнул рукой и вышел из отдела.

1981

І.ІІ. Отдел сатиры. Перестройка

Письмо в Гаагу

Рослый волоокий русак Вадик Шевцов приволокнулся за одной голландкой. Мало того: она сделала ему предложение, и он возьми да женись. Мы все, конечно, позубоскалили, позавидовали, поахали, а она взяла его и увезла в свою Голландию.

Ну, мы про это потихоньку забыли, только неделю назад приходит от Вадьки письмо. Марка, голубой конверт, штемпель. Оттуда.

И пишет он про свой домик трехэтажный, и что были трудности с языком, и что пришлось осваивать компьютер, и про свою «Тойоту», и «Вольво» жены, и про видеоманитофон, и про отпуск на Багамах...

Отвечать надо. А что ответишь?

А потом меня осенило.

«Дорогой Вадик, – писал я, – вчера мы с Мариком Шварцманом (ты его, конечно, помнишь) заняли свои места у голубого экрана. На 18-й минуте Бубнов сделал замечательный рывок по правому флангу и выложил как на блюдечке рвущемся к воротам Черенкову. Тот как вмазал – и мимо! Марик даже сказал слова, от которых ты там, поди, отучился. Мы с горя откупорили по первой «Жигулевского», и – из горла. А закусь, скажу тебе, была класс! Марику прислали с Одессы вяленую ставридку, у меня лецц был, еще мы яичек вкрутую наварили, в соль макали, и бородинский хлеб с корейкой. А своих я в зоопарк усрал. А на 25-й минуте Шмаров откинул мяч пяткой все тому же Черенкову, и тот в головокружительном прыжке послал снаряд мимо зазевавшегося вратаря гостей, молодец, Саня! Вдарили мы по второй. Правда, на 34-й минуте Протасов сильным ударом потряс до основания штангу наших ворот, но на перерыв команды ушли при счете 1:0 в нашу пользу. Раскупорили мы по третьей. Лецц – объедение, жирный, собака, и ставридка тоже ничего, – правда, суховатая. А яички с солью!

После матча (2:0 в нашу пользу) Марик еще к таксистам сбегал, взяли беленькой, потом принес гитару, мы пели: «Вот, новый поворот...» – и вспоминали тебя. Все-таки наши ваших на чемпионате мира сделают, попомни мои слова. До свиданья, твой Слава».

...В далекой Гааге, на двуспальной кровати, крытой ослепительным покрывалом, рядом с персональным компьютером и видеоманитофоном, не спал человек, перечитывал письмо, стискивал кулаки и плакал.

1989

Срочное задание

Вбегает ко мне редактор.

– Вот тебе срочное задание, – говорит, – садись и пиши о пачулях.

– А можно? – спрашиваю.

– Ты что, с Луны свалился? – кричит редактор. – «Вести» уже написали, «Светлячок» написал, «Голос литератора» написал! Мы, как всегда, в хвосте!

На следующий день приношу статью о пачулях.

– Видеть не могу твои пачули! – говорит редактор. – Убери их от меня!

– А что такое? – спрашиваю.

– «Вестям» указали, «Светлячку» сделали внушение, а «Голос литератора» одернули.

Понимаешь?

На следующий день прихожу на работу, а меня уже редактор дожидается.
– Ну где ты шляешься? – спрашивает. – Давай срочно свои пачули.
– А что случилось? – спрашиваю.
– Тех, кто одергивал, – поправили. Понимаешь?
Схватил редактор мою статью и убежал.
Прихожу на следующий день гранки вычитывать.
– Забирай свои пачули, – говорит редактор.
– А почему? – спрашиваю.
– Поправить-то поправили, – говорит редактор, – но ведь и одергивали же. Понимаешь?
Вечером он мне домой звонит.
– Срочно вези свои пачули!
– А что случилось?
– Вы вечно спите! Уже и «Горн» пачули дал, и «Суббота» дала, и даже «Мяч и шайба» подбирается!
Примчался в редакцию.
Редактор увидел меня, рукой пренебрежительно махнул.
– А, пачули... Пройденный этап. Теперь о супельниках надо писать.
– Неужели можно? – ахнул я.

1988

Плач по 6-й статье¹

Ау, ЦК КПСС...
Не зная страха и смятений,
он был заоблачным, как гений,
и неуклонным, как процесс
движенья массы до небес –
ура ЦК КПСС?

Его карающая длань
над нами нежно повисала,
и путь нам в завтра озаряла
декретов сдержанная брань!

Он видел все, как Саваоф:
когда сажать и сколько сеять,
когда смолчать, когда проблеять,
и пищу даровал, и кров,
и ведал заготовкой дров,
знал, как растить детей и лес,
пасти технический прогресс –
увы, ЦК КПСС...

О, где твой лучезарный свет,
твои великие уроки?

¹ Шестая статья Конституции СССР, против которой в перестройку боролись демократические силы, провозглашала КПСС (компартию) руководящей силой общества. Отменена в марте 1990 года.

Как жить без сладостной опеки? –
Я обрыдал свой партбилет...
Навек осиротели мы!
Кто озарит нам путь из тьмы?

Но я не поддаюсь судьбе.
Ура! Осталось КГБ.

1989

Обновление нашего дома

Он вчитался в пожелтевшие строчки. Как давно, кажется, это было.

«Завод мерно дымил всеми своими трубами, как бы заверяя, что месячный план будет выполнен, как всегда, на 101 процент. В кабинете нас ждал директор Н. М. Пропиленов, который сказал, что трудовую победу коллектив посвятит 70-летию дорогого товарища. Мы прошли в цех, в котором сновала, обслуживая 3500 станков, 82-летняя А. П. Ходикова. «Успеете?» – на бегу спросили мы ее. «На пенсии отлежусь!» – отшутилась на бегу ударница, задорно подмигивая. Над заводом вставала луна, на которой, казалось, видны победные следы советского «Лунохода»!

Эх, старье, старье – давно забытый стиль... То ли дело сейчас!

«Завод гнусно дымил трубами, превышая предельно допустимую концентрацию норсульфазола в 10 000 раз. У ворот бушевал экологический митинг. В кабинете нас ждал директор Н. М. Пропиленов. «Пользуетесь ли вы обкомовским пайком?» – напрямик спросили мы его. Тот жалко забормотал, что сдал персональный автомобиль и ездит теперь на самокате. В цехе, остановив все станки, нас ждали 3500 работниц, которые наперебой жаловались на жилье, колбасу, радиационный фон и облсовпроф. На стихийном митинге выступила А. П. Ходикова. Трагично сложилась ее судьба. Она в 1916 году послала воздушный поцелуй Николаю II, за это была трижды репрессирована, сыновья ее стали ворами в законе, внучки – инвалидными, правнуки – рокерами. Подрастает правнук рэкетир.

– Как вывести страну из кризиса? – спросили мы ее.

– Частная собственность нужна, – задорно прошамкала Ходикова.

Над заводом вставала луна, похожая на неконвертируемый, обесцененный рубль...»

Он отодрал от стены старый газетный лист и наклеил новый. Размазал клейстер. «Клеить надо на совесть, – подумал он. – Обои доставать – по-прежнему такая мука...»

1990

Русская женщина

Хлопушкинский чугунный завод должен был посетить Генеральный секретарь с супругой. Надежду отобрали в числе тех, кто случайно должен был повстречаться ему у конвейера.

Секретарь парткома провел среди отобранных летучий инструктаж.

«Будет спрашивать, на что жалуетесь, отвечайте – все хорошо. Если станет настаивать, говорите – кооперативы замучили. Цены сильно высокие».

Вечером Надежда рассказала мужу о событии. «Охота тебе попкой быть, – буркнул тот. – Говори как есть».

«А как есть?» – задумалась Надежда. А было: дым от завода, веревочная колбаса по талонам и комната в общежитии.

«Напишу ему письмо», – вдруг решила Надежда. Ей представилась картина из фильма про декабристов, где дама в длинном платье падает ниц перед монаршим конем и протягивает свиток. Надежда испугалась сравнения и отогнала картинку от себя.

Полночи Надежда писала и спала потом очень беспокойно. Ей снилось, как ее, голую, обыскивает парторг, находит письмо и строго говорит: «Нехорошо, Надежда!»

Утром Надежда в новеньком комбинезоне стояла у конвейера и собирала из отходов производства игрушечные будильники, похожие на гири. Письмо за пазухой вспотело.

Вдруг бегут начальник цеха и парторг, оба белые.

– Выручай, Надежда! Светлецова заболела. Будешь хлебом-солью ЕГО встречать.

На Надежду нацепили кокошник, сунули хлеб-соль и вывели к Доске почета.

Час минул, два. Надежда закоченела.

Вдруг бежит парторг, глаза белые:

– Выручай, Надежда! От Матвеича в маргеновском пахнет!

Помчались в цех. Надежда отогревалась у доменной мечи, стояла, как дура, в каске на кокошнике и с хлебом-солью, который позабыли отобрать.

А Генеральный так и не приехал. Задержался то ли в обкоме, то ли в горкоме.

Пришла Надежда домой, а у сына жар, муж не кормлен. Быстро – горчичники ставить, борщ разогревать!

Выручай, Надежда!

1989

Последний бой кибальчиша

Утром, как всегда, плюясь и шаркая, Кибальчиш потащился за молоком и папиросами.

По дороге заглянул в винный – так, из любопытства, все равно, если б чего было, очередь бы подсказала.

Зашел и обомлел: пахнет ванилью, грязных опилок на полу как не бывало, продавщица – в крахмальном фартучке, а главное – бутылок столь, сколь не видел Кибальчиш (а он был пивуч, особенно после ночных допросов) за всю свою жизнь.

Один стеллаж до потолка был уставлен «Столичными», «Кубанскими», «Перцовками», «Московскими», заморскими джинами и висками. Стеллаж другой был отведен напиткам, как понял Мальчиш, полегче: глаз углядел знакомые, но забытые «Черные глаза» и «Твишиани», а прочие все были невиданные. Ютилась полочка с двадцатью сортами шампанского. Пива – пива! – было не меньше десяти родов, и банки даже какие-то. А рядом дразнили иноземные коробочки с сигаретами.

Продавщица издевательски улыбнулась:

– Прошу вас.

– Это чего ж, обратно торгсин сделали?

– Все только за рубли.

Не смея поверить, Мальчиш, путаясь в рублях, приобрел бутылку «Черных глаз» (покойница бабка любила) и пачку «Мальборо», которые запомнились потому, что их раскуривал тот диссидентский писатель, за которым Кибальчиш ходил уже перед самой пенсией.

На улице затянулся обновкой (дрянь табак, буржуинский) и потащился, плюясь, в молочный. Тут он совсем ослабел, потому что увидел сыр, которого не видел полгода, и сырокопченую колбасу, которую не видывал, почитай, лет тридцать. Впрочем, сыров и колбас было сортов, не ошибиться бы, по двадцать.

«Горбачева ждут», – вдруг молнией сверкнуло в старческом мозгу Кибальчиша. Он лихо-радочно, пока не оттеснили охранники, купил на все деньги колбасы и остановился подождать: может, подъедет Он, и завяжется непринужденный разговор с жителями микрорайона.

Но никто не суетился. Людей в магазине было мало. За окном, видные через витринное стекло, неслись автомобили. Какие-то странные они были, чересчур красивые и чистые. И люди шли мимо какие-то веселые, с разглаженными лицами.

«Нет!» – вдруг просверлила Мальчиша новая догадка, и он даже ослабел и без того нетвердыми ногами. И как только он понял, что случилось, со старческой быстротой юркнул к выходу и пошаркал-пошаркал к дому. И все – откуда ни возьмись появившиеся всюду рекламы, полупустые автобусы, лоток со свежими раками убеждали его, что последняя догадка была верной: он всю жизнь боролся с буржуинами, а они все ж таки победили и были уже здесь, на его родной улице.

Дома он накрепко закрыл дверь, завалил окна мешками со стиральным порошком, вытащил маузер, подаренный лично К. Е. Ворошиловым, и приготовился к последнему бою.

1990

В метро

Как я люблю вечернее метро! Когда уже схлынул поток тех, кто едет с работы, и народу не так много, и люди поспокойней...

Вот сидит тридцатилетняя. Прическа словно только из салона, дубленка, но сумочка черная, а сапоги красные... А как по цвету подберешь! Единственная у нее, видно, сумка, единственные сапоги... Сейчас сапог не купишь... Читает воспоминания о Тарковском. Что ей Тарковский? Кто она – искусствовед? Киноманка?.. Поднимет голову, обведет тебя туманным взглядом, словно «Сталкера» снимает, и опять – читать...

А рядом – пожилая: в строгих очках, с седыми завитками, сидит, прорабатывает верстку какой-то детской книжки, ставит на полях исправления. Вся в работе, и ей уже ни к чему, как той, тридцатилетней, глаза поднимать, проверять, какое впечатление производит...

А вот мужчина пожилой с молодым беседуют. Стоят друг против друга и обсуждают пакт Молотова – Риббентропа – профессионально так обсуждают, со ссылками на монографии...

А у дверей парнишка девушке заливает: «Был у нас в гостях англичанин, говорит, я американцев не понимаю, у них жаргончик какой-то и через слово мат...» Девушка некрасивая, а парнишка хоть куда, и одет модно, но нет, вот развлекает даму, разливается соловьем – а может, влюблен?

А вот сидят три школьницы. Совсем некрасивые. Одна читает «Бедные люди». Для чего? Разве это проходят? Две другие в одну книгу погрузились, посередке держат. Заглянем в обложку... Конечно, «Преступление и наказание» – по программе...

Какие милые все! Все у них впереди, выучат и Достоевского, и английский, и американский...

Вот это вечернее метро – и есть моя Россия...

– Приехали, Денис Болеславович, – вежливо перебил охранник.

Денис Болеславович грузно вылез в предупредительно распахнутую дверь «Мерседеса».

Раз в полгода ему устраивали поездку в вечернем метро, и умильных разговоров ему хватало еще на полгода.

1992

Бутылочка

Один врач отучил пить одного пациента.

Вернувшийся к жизни отблагодарил спасителя посредством коньяка.

Коньяк был кстати, потому что врач собрался навестить школьного приятеля на даче в Красково.

Приятеля дома не оказалось, зато оказалась его жена, задорно поблескивающая глазками, и врач неожиданно навестил ее.

Муж притащился на рассвете после того, как хряпнул спирта в лаборатории и портвейна в тамбуре со случайными, после чего последовал спор, после чего у мужа недоставало трех зубов, чего не компенсировали внезапно обретенные рога, чего муж не замечал.

Чтобы муж и далее не замечал, жена захватила врачебную бутылку на чердак и квохтала над мужем, радуясь, что не оказалась вдовой.

Утром несостоявшаяся вдова отправилась на службу, продолжая радоваться, что она не вдова и что бутылка кстати. И точно: жена вскоре переместилась в командировку в Брюссель, после того как коньяк переместился в сейф к официальному лицу, а несостоявшаяся вдова попеременно перемещалась на его, то есть лица, колени. После чего лицо вынуло из коньячной коробки банкноты, пересчитало, а бутылку преподнесло личному, то есть лица, шоферу.

Водила рванул, предвкушая. Заехал за колбаской – машину обчистили, сперев магнитофон, зажигалку и бутылку.

Повествование становится монотонным. Шестеро подростков. Две герлы. Маг толкнули, вайну взяли. Киряли. Коньяк не успели. Были взяты с поличным. Конфисковали. «Уничтожили путем вылития в раковину». Так занесли в протокол, а фактически преподнесли коньяк капитану, как раз ставшему наконец майором.

Еще короче. Капитан – зав. лесоторговой базой – поставщик из Бурятии – директор лес-промхоза – Благовещенск – мама новобранца – полковник – академия Фрунзе – адъютантура в Ленинграде – зубной профессор из Москвы – плата ночному таксисту.

Короче!

Бутылку за бешеные бабки берет у таксиста вдруг развязавший тот самый пациент, открывает, наливает, подносит, нюхает – «торпеда» срабатывает со страшной силой (врач на совесть лечил, не зря был коньяком премирован) – пациент валится на стол, бутылка опрокидывается, жидкость льется на пол.

А говорят, мы пьющая страна. Ха!.. Одной бутылки осилить не можем.

1990

Бутылочка-2

Вова сидел с лучшим корешем на ночной кухне, жена давно отрубилась, обсуждали жен и любовниц.

Как всегда, не хватило.

– Поехали к таксистам, – предложил лучший кореш.

– Стоп, – сказал Вова. – Идея. – И вынул из шкапчика бутылку виски «Джонни Уокер». – На Новый год приберегаем. Но мы ей сделаем усекновение.

Кореш понял, аккуратнейшим образом вскрыл заморскую диковину. Отлили в майонезную баночку добрую треть, разбавили подкрашенной вареньем водопроводной и тщательнейшим образом запечатали сосуд.

Майонезная баночка продлила кайф.

Наутро непохмеленный Вова потащился на работу, а жена его Зина стала принимать любовника. Приняла она его раз, после чего тот стал ныть, что не кисло было бы выпить. Зина приняла близко к сердцу эти причитания, поелику знала, что, выпив, друг возобновит атаки. Она нашла в шкапчике бутылку «Джонни Уокер», возлюбленный аккуратнейшим образом ее вскрыл, отлили почти треть в майонезную баночку, самец махнул, после чего долили водой, подкрашенной медом, и внимательно запечатали. Взбодренный хахаль полез.

Вечером Вова пришел весь разбитый с похмелья, и когда утомленная дневной любовью супруга заснула, снова надругался над бутылкой, применив ту же майонезную баночку и квас.

«Однако здорово же мы разбавили, – подумал он, махнув. – Как бы Зинка не заметила».

Спустя три дня ту же операцию провернул любовник.

«Однако здорово же я тот раз разбавил, – подумалось ему. – Ну, ей же хуже».

... Наступил Новый год. Как украшение семейного стола была выставлена бутылочка.

Вова налил, втайне содрогаясь. Зина тоже обмерла от страха.

– Ну, за старый год! – отчаянно воскликнул Вова и храбро махнул. Зина тоже засадила. Жидкость была очень похожа на воду, от какой она, по сути, и не отличалась.

– Ф-уф, – картинно сказал Вова, занюхал коркой, на глазах выступили слезы. («Какой артист умирает во мне!»). – Крепка Советская власть!

– Да, прям так и шибает, – покраснев, сказала Зина.

«Пронесло!» – возликовал Вова.

«Пронесло!» – возликовала Зина.

После этого они еще несколько раз с отвращением выпивали, и Вова для полноты картины даже сделал робкую попытку подебоширить.

Так семья Мозолевых встретила Новый год насухую. И не надо никакой антиалкогольной пропаганды.

1991

Секса у нас нет!

Уважаемый тов. директор!

Довожу до Вашего сведения, что с начала нынешнего учебного года мною в 5-м «А» классе, в котором я являюсь классным руководителем, проводилась целенаправленная работа, направленная против мутного потока вседозволенности, захлестнувшего наши кино-, теле- и видеоэкраны, а также радиоточки. Мною был прочитан курс «Введение в невинность», в ходе которого мы с учащимися читали по ролям и осуждали поэмы Баркова, с отвращением посмотрели кинофильм «Маленькая Вера» и, содрогаясь, посетили кооперативные киоски по продаже обнаженных открыток и брелоков.

По окончании курса учащимся были предложены сочинения на темы: «Спасибо партии любимой, что мы появились на свет», «Маленькая Вера – тургеневская девушка нашего времени» и «Торговать собою – значит продавать Родину». Несмотря на то что в сочинениях были забавные описки типа: «Она была в бюстгальтере на голое тело» и «Даже в постели они думали о своей дальнейшей судьбе», учащиеся в целом продемонстрировали умение работать с первоисточниками и непримиримость к сексу. После этого они разучили речевки:

Кто уткнул в порнуху взгляд –
Тот позорит наш отряд!

и:

Кто на правом фланге спит –
Тот получит завтра СПИД!

На символическом пионерском костре был сожжен журнал «Плейбой». Возле гостиницы «Астория» учащимися был установлен «Пионерский пост против распутства». Советским девушкам учащимися вручалась повесть Тургенева И. С. «Первая любовь» и Устав ВЛКСМ. Налицо определенные успехи. Так, девушка по кличке Зеленая Холера, прорыдав всю ночь

над Уставом, приобрела на всю валютную выручку 10 000 тысяч индийских одноразовых противозачаточных средств и передала их в дар в фонд родной школы.

Затем мои учащиеся разгромили редакцию журнала «Веселые картинки», приняв его за порнографическое издание, и собрали теплые вещи в пользу пострадавших от демографического взрыва в Бангладеш.

В связи с тем, что в будущую субботу намечено мероприятие в виде посещения моими учащимися Вашего, товарищ директор, музея, прошу Вас во избежание актов благородного вандализма изъять из экспозиции отвратительные порнографические скульптуры «Вечная весна» и ей подобные и заменить их на картину «Опять двойка», которую мы будем с удовольствием проходить как в Вашем музее, так и по учебной программе.

С уважением

Ханженская Э. М., заслуженный учитель 4001-й ленинградской школы

1989

Издательские муки

Зам. директора партийного издательства «Всполох» Свежацов размышлял о планах переизданий на будущий год.

«С марксизмом-ленинизмом ясно, – подумал он, – теперича классика. Тиснем-ка мы Толстого. Льва. Вот подходящая, вполне идейная штучка». Свежацов потянулся к полке и достал томик. Бегло перелистал. Вдруг его взгляд наткнулся.

«Мужчины вышли в столовую и подошли к столу с закуской, уставленному шестью сортами водки и столькими же сортами сыров с серебряными лопаточками и без лопаточек, икрами, селедками, консервами разных сортов и тарелками с ломтиками французского хлеба».

Свежацов вспомнил, как говаривал директор издательства Пролозков: «Успокаивайте народ. Не надо разжигать. Не бередите населению душу». Тут не побередишь! Шесть сортов сыров! С серебряными лопаточками!

«Лучше чего попроще, – подумал Свежацов, – вот прекрасная книга, любимая. «Граф Монте-Кристо». – Свежацов достал с полки «Графа». Развернул.

«Ужин состоял из жареного фазана, окруженного корсиканскими дроздами, заливного кабаньего окорока, жареного козленка под соусом тартар и гигантского лангуста».

Свежацов почувствовал, как рот наполнился слюной. Он сглотнул и потер лоб.

«Может, какой детективчик, а? – жалобно подумал он. – Вот замечательный, про Ниро Вульфа».

Он осторожно пролистал, но глаза сами предательски выхватили место: «Я спросил, что будет в его омлете. Он ответил: четыре яйца (гм-гм, подумал Свежацов), соль, перец, столовая ложка эстрагонного масла».

«Эстрагонное масло! Ха. Знать бы, что это такое?.. Что же делать? Но хоть детское, детское-то должно быть! Какие-нибудь там сорок восемь поросят, все на ниточках висят». Свежацов взял «Красную Шапочку», купленную для внучки.

«Пойди к бабушке и отнеси ей **горшочек масла!**»

О-о! Свежацов скривился, как от зубной боли, и закрыл глаза рукой. Из его глаз выкатилась слеза, чистая, как настоящая, на травах настоящая, «Посольская». В окно смотрело солнце, похожее на круглый бутерброд с российским сыром.

1990

Концовка

Двое школьных друзей, а теперь тридцатилетние – преуспевающий рекламный агент и известный фотограф – вышли из ресторана «София». Довольные после обеда (дорогого, однако, даже для их нетощих кошельков), они не спеша пошли вниз по Садовой. Орда машин, газующих на скверном бензине, и люди, обремененные ежедневной манией достать, не мешали их неторопливому разговору. Они уже рассказали друг другу за столиком самое интересное, что случилось с ними летом, самые важные новости об общих знакомых и успели договориться о совместной работе. Наступила пора анекдотов.

– Хочешь, – начал фотограф, – расскажу тебе не анекдот, а самую настоящую быль?

– Валяй!

– Случилось это примерно за месяц до путча. Пригласили меня снимать поп-фестиваль в одном уральском городке. Город оборонный, богатый – назвали уйму знаменитостей. На стадион весь город собрался. Артисты на совесть поработали, кто пел: «В комнатах наших сидят комиссары и девочек наших ведут в кабинет...», кто: «Есаул, есаул, что ж ты бросил коня...», кто – совершенную бессмыслицу: «Эхма, дым с огнем», а кто-то из молодых даже что-то вроде: «Москва – Чикаго тридцатых годов!» Публика, так сказать, тащилась. Я снимал как сумасшедший... В три ночи концерт закончился, артистов, телевизионщиков и журналистов отвезли в гостиницу – поезд только утром. Водки было – залейся, и для нас бесплатно. Но я на общую тусовку не пошел, махнул в одиночку стакан с устатку и спать завалился. И что-то мне не спится. А в соседнем номере артисты веселятся: хохот, стаканы звенят... Потом притихли – и вдруг запели: «Вихри враждебные веют над нами». А голоса у всех крепкие, и чувствуется: всю душу вкладывают, весь талант свой... Потом – грянули: «Широка страна моя родная...» Допели – и: «Вставай, страна огромная!» Тут у меня даже слезы навернулись. Потом – нашу с тобой любимую спели: «Ты моя любовь, ты моя судьба, с детских лет ты сердцу дорог – все, чем я живу, связано с тобой, с именем твоим, мой город!» – и все с ностальгией такой... Часа полтора пели, собаки, весь прежний репертуар. И я представил: лет семь назад они все это исполняли на публике, а вечером, для себя, затягивали: «Раздайте патроны, поручик Голицын...» А теперь все перевернулось... Немножко жаль тех времен, правда?

Друзья уже свернули на Петровку.

Рекламный агент ничего не ответил, только задумчиво раскурил сигарету. Шагов через двадцать он сказал:

– Анекдот хороший...

– Да это я своими ушами слышал!..

– Анекдот – в пушкинском смысле... Только не хватает развязки. Анекдот, ведь он, как дверь, на двух петлях держится: собственно история – раз, неожиданная концовка – два. А здесь развязки нет. Дверь на одной петле – не висит.

Немного обидевшийся фотограф закричал:

– Да я быль тебе рассказывал! Быль! Что я, рожу тебе концовку, что ли!

– Нет, конечно, – примирительно сказал спутник. – Извини, я просто теоретизирую.

Они проходили мимо здания Свердловского райкома партии. Уже надвигалось монументальное здание Петровки, 38.

– Стоп. – Фотограф схватил друга за рукав. – Вот – концовка!

Оба посмотрели на дверь райкома и расхохотались.

Там висело объявление:

«Пленум РК КПСС состоится в воскресенье, 8 сентября, в 10 часов, на Большой поляне.

Проезд – с Казанского вокзала до ст. Малаховка, далее автобусом...»

Отсмеявшись, рекламный скептик сказал:

– И все же это не концовка. Если бы их там нагайками разгоняли – вот была бы концовка.
– Несносный ты, Белинский, – дружески хлопнул по плечу критикана фотограф, и они пошли дальше.

1991

Праздник первого ваучера
Сценарий детского утренника, рекомендованного
Госкомимуществом для обязательного проведения
во всех детсадах и яслях на всей территории России

ДЕТИ (*поют, хором, под аккомпанемент музработника, очень грустно*):

Нет у нас игрушек,
Мишек и зверюшек –
Государство ничего нам не дает.

Самый толстый мальчик, изображающий ГОСУДАРСТВО, сидит на мешке с игрушками и декламирует:

Я – хозяин и заводов,
И газет, и пароходов,
Мишек, плюшек и жевачек,
И конфет, и водокачек –
Никому их не отдам!

Тут торжественно открываются двери, и входят два мальчика, одетые под Бурбулиса и Чубайса. Они декламируют:

Не плачь, наш дорогой народ, –
К нам скоро ВАУЧЕР придет,
Мы ВАУЧЕРА юного гонцы!

Детишки пускаются в пляс. Один из них читает с выражением:

Приди к нам, ваучер любимый!
Приватизацию начнем,
У ГОСУДАРСТВА все игрушки
Себе обратно заберем!

Музработник играет марш.
Входит ВАУЧЕР. Декламирует:

Я – Ваучер сильный,
Я – Ваучер смелый,
Пришел я ребятам помочь,
Нам жить без игрушек давно надоело –
Ступай, государство, прочь!

Ваучер идет к мешку с игрушками. Ему пытаются помешать ОППОЗИЦИЯ, одетая в красные и коричневые костюмчики.

Детишки помогают ВАУЧЕРУ.

ГОСУДАРСТВО, плача, слезает с мешка и убегает.

Ребята вместе с ВАУЧЕРОМ хором радостно читают стих:

Мы – хозяйева игрушек,
Мишек, кукол, танков, пушек,
И солдатиков, и книжек,
И жевачек, и коврижек,
Пряников, машинок,
Прыгалок, резинок,
И живем мы без тревог –
Всем нам ВАУЧЕР помог!

ВАУЧЕР честно раздает каждому ребенку по игрушке. Чубайс берет за руку Бурбулиса, все дети кружатся в веселом хороводе вокруг ВАУЧЕРА и поют:

ВАУЧЕР добрый, ВАУЧЕР милый,
Ты обладаешь огромною силой!
Очень теперь беззаботно живет
Наш детский сад и российский народ!

Дети останавливаются и кланяются ВАУЧЕРУ в пояс.

КОНЕЦ

После праздника воспитатель собирает все игрушки в тот же мешок.

1992

Список добрых дел

Однажды вечером за чаем мама сказала:

– Я так сегодня устала. Все белье перестирала, холодильник разморозила и кухню подмела.

– Ха! – сказал папа. – Ты устала! А я вот стоял в очереди за мясом, еще купил лампочек и вкрутил их и вынес мусорное ведро... Вот кто у нас не устал, – и кивнул на меня.

Я обиделся.

– Я, между прочим, – сказал я, – получил сегодня две пятерки. По чтению и по физкультуре. И убрал постель. Сам.

– Ого, – удивился папа, а потом добавил: – А что, если мы заведем «Список добрых дел», повесим его на стенку и будем заносить туда все добрые дела, которые каждый сделает за день. А в конце недели тот, у кого окажется больше, получит приз.

– Давайте! – обрадовался я.

А мама вздохнула, но кивнула.

Стали мы играть в «Список добрых-дел».

К следующему вечеру там появилось:

Мама:

1. погладила белье
2. сварила щи
3. помогла Леше учить уроки
4. накрыла ужин
5. перемыла посуду
6. пришила Леше пуговицу.

Папа:

1. купил тортик.

Леша:

1. убрал солдатиков

На второй день мы записали:

Мама:

1. приготовила ужин
2. вымыла ванную
3. искупала Лешу
4. перемыла посуду
5. пришила Леше пуговицу.

Папа:

1. вынес ведро.

Леша:

1. получил пятерку по труду.

На третий день мама записала:

1. погладила Леше брюки
2. вымыла плитку
3. приготовила ужин
4. купила хлеба и молока
5. пришила Леше пуговицу.

Задумались мы с папой. Нам-то писать, кроме: «вынес ведро» и «убрал солдатиков», нечего! Приз-то уплывает!

Потом папа сказал:

– Идея!

И написал:

«Похвалил маму за ужин, хотя котлеты были пересоленные».

Я понял его хитрость и тоже написал:

«Сам надел пальто и ботинки».

Папа написал:

«Похвалил мамин макияж».

А я написал:

«Сказал маме доброе утро».

Папа вдруг задумался.

Я закричал:

– Папа, давай дальше!

А папа помрачнел, зачеркнул то, что написал, и сказал:

– Давай-ка мы лучше помоем с тобой посуду, и без всякого списка.

Я подумал и согласился.

1992

Прием ведет доктор Сексодромский

Посвящается газете «СПИД-инфо»

– Доктор, вы знаете, когда я вижу в метро или на улице красивого мужчину, я сразу думаю: вот с ним хорошо бы переспать, вот с ним хорошо бы переспать, вот с ним хорошо бы переспать, вот с ним хорошо бы переспать, вот с ним хорошо бы переспать...

Врач с силой хлопает пациентку по спине.

– Ик!.. Извините, доктор, меня просто заело.

– Следующий!

* * *

– Доктор, а эрекция без эякуляции – хорошо?

– М-м, не очень.

– А эякуляция без эрекции?

– Я бы не сказал.

– А эрекция с эякуляцией?

– Неплохо.

– А когда нет ни эрекции, ни эякуляции?

– Это очень плохо. А почему вы меня спрашиваете?

– А мне слова эти очень нравятся. – *(Мечтательно.)* – Э-рек-ция... Э-я-ку-ляция...

– Следующий!

* * *

– Доктор, я зоофил. Шесть лет назад я совершил половой акт с молью...

– Садитесь, пожалуйста. А почему, собственно, вас это волнует?

– Так моль из ревности всю шубу у жены съела...

1993

II. Из стола

В траве сидел кузнечик

Пита Воскобойникова вытурили из ансамбля.

В тот же день он зашел в знакомый бар – зашел один, чего обычно с ним не случалось. Бар становился модным, и у запертых дверей толпилась небольшая очередка. Пит расслабленной походкой прошел сквозь очередь, сопровождаемый завистливыми взглядами, и стукнул пальцем в застекленную дверь.

Ему тотчас открыл холуй Леша (гардеробщик и по совместительству вышибала) – здоровая будка, вечное брюзгливое высокомерие на лице, в огромной лапище – чашечка кофе, во рту сигаретка с золотым ободком («аристократ!»). Пит самостоятельно прошел за гардеробную стойку и повесил на крючок свою белую курточку. Холуй Леша был занят беседой с девицей в тугих джинсиках и в красной клетчатой рубашке на голое тело, расстегнутой с максимальной откровенностью.

– Представляешь, Пит, вчера она, видите ли, *не хотела*, а сегодня *хочет*, – громко заорал вдруг холуй Леша, отрываясь от разговора и кивая на девчонку.

Девчонка вроде бы оскорбилась, даже стукнула Лешу кулачком в обширную грудь – на самом деле не очень, даже захихикала.

Пит ничего не ответил и прошел в зал.

Был полумрак, сиреневый табачный дым слоями плавал по залу, образуя как бы карту океанских течений. Почти все столики были заняты. На них стояли высокие стаканы с коктейлями. Рядом сидели модные мальчики и девочки, соединенные со стаканами тонкими трубочками. Они напоминали сообщающиеся сосуды. За стойкой, ярко освещенные, как на сцене, священнодействовали бармены. Гремел лед. Пит подошел к ним, заказал коктейль.

Над барменами висел глянцевый плакат с полуголой красоткой, придавая заведению этакий разухабистый, чуть стриптизный вид. Красотка была в окружении бутылок с прозрачной жидкостью, подпись призывала по-английски: «Только ВОДКА ИЗ РОССИИ – НАСТОЯЩАЯ РУССКАЯ ВОДКА».

Пит получил стакан с ядовито-зеленой жидкостью и под взглядом юных посетителей, желавших казаться как можно солидней и одновременно как можно непринужденнее, пересек зал и уселся за свой любимый двухместный столик в углу.

Именно здесь они всегда сидели с Мариной.

Теперь место напротив пустовало, только стоял там чей-то недопитый, сиротливый коктейль.

«Вытурили, значит, – подумал Пит. – Да, ребятки быстро это дело провернули. Ай да Скалозуб!»

Сегодня в институте к Питу подошел ударник Юрка. «Знаешь, Пит, – сказал он виновато, – эти подонки решили тебя выгнать». Подонки-то подонки, а сам небось на репетиции к ним ходишь? – подумал Пит, а вслух безмятежно сказал: «А, чепуха, устроюсь как-нибудь. Меня «Голубой апельсин» приглашает: иди, как ты думаешь?»

А вообще история была красивая. Мордобой, гонки на такси. Боевик, да и только.

Ансамбль институтского ДК собрались послать летом в Западный Берлин. Будет делегация горкома комсомола, обширная программа... Вообще говоря, не то чтобы собрались, а просто кто-то что-то шепнул, а кто-то что-то ответил, и Оскар Изольдович тоже якобы склоняется к этой мысли...

Скалозуб бешено завращался. Каждый день он вертелся в кулуарах, имел с кем-то важные беседы, интриговал, интриговал...

Ребята тоже все до ужаса серьезные стали: перестали рассказывать анекдоты про армянское радио, ежедневно прорабатывали газеты – повышали политграмотность, напрочь отказались от пива по воскресеньям и даже на репетиции стали приходить при комсомольских значках. Так сказать, идейность по заказу. И в этих-то условиях Пит однажды имел наглость прийти на репетицию слегка подшофе – провожали Вальку Рыжова, изгнанного из института за пьянку.

В тот день репетировали на сцене. Жаркие прожектора. Зал пустой, темный, гулкий.

Пит пришел позже всех, уселся за свой электроорган, стал пиликаать: «В тра-ве си-дел куз-не-чик, в тра-ве си-дел куз-не-чик...» – просто так, от нечего делать.

Заявился Оскар Изольдович, худрук их Дома культуры: послушать, обронить парочку замечаний. Оскар Изольдович в музыке мало что смыслил – как и в других искусствах, впрочем.

Поздоровался со всеми – со Скалозубом весьма ласково, – а к Питу последним подошел, ручку протянул, не глядя, сказал томно:

– Здравствуйте, Забойников... или как вас – Воскобойников? Здравствуйте, Воскобойников...

Потом снова – к Скалозубу, произносить свои замечания.

– Я думаю, – говорит, – в этой композиции необходимо немного поменять текстовку. Здесь у вас: «В эти трудные годы нас рожала земля...» (Скалозуб за его спиной слушает *внимательнейше*, поддакивает, весь изогнулся, как половой, только полотенца через руку не хватает. А Пит все пиликает: «В тра-ве си-дел куз-не-чик, в тра-ве си-дел куз-не-чик».)

– Это нехорошо, Саша. Почему вдруг рожала? Это некрасиво, это обиходное слово... Конечно, в разговоре с вашим товарищем вы вполне можете его применить. Но здесь вы преподнесите его со сцены... преподнесите современному зрителю! (Он так и сказал – современному.) Это же совсем другое дело! Вы меня понимаете? («В тра-ве си-дел куз-не-чик, совсем как огу-ре-чик, зелененький он был!»)

– Вы же не используете в песне такие слова, как «зачатие», «аборт»... Это неэстетично! Как вы считаете? («Представьте себе, представьте себе, совсем как огуречик». Скалозуб внимает, поддакивает: «Конечно-конечно, совершенно верно, Оскар Изольдович», – а Оскар Изольдович на Пита косится: гневно косится, как злая лошадь.)

Скалозуб:

– Может быть, Оскар Изольдович, мы заменим эту строчку так: «В эти грозные годы нас родила земля»? Как вы считаете?

Оскар Изольдович:

– Верно, Саша, верно. Я рад, что вы сами пришли к этой мысли.

Скалозуб:

– А какие у вас еще замечания, Оскар Изольдович?

(«В траве си-дел куз-не-чик!!»)

Оскар Изольдович:

– Сейчас у меня нет времени, Саша... И потом, я хочу обратить ваше внимание, – (злой взгляд на Пита), – ваш... м-м... оркестр стал несколько напоминать цирк.

И он ушел, томный, гордый, вальяжный. Скалозуб тотчас – к Питу:

– Что ты делаешь! Из-за тебя все срывается!

«В тра-ве си-дел куз-не-чик!»

– Ты что же, не хочешь ехать?

«Совсем как огуречик!»

– Прекрати, дурак, прекрати!

– Сашенька, хочешь хороший совет? Догони Тристана Изольдовича и поцелуй его в задницу...

«Зелененький он...»

Тр-рах! Удар, вспышка!

Пит летит со стула. Потеря памяти. Он открывает глаза. Прожекторы жарко освещают его лицо. Высоко над ним: железные каркасы и лесенки задника сцены.

Пит встает. Кровь капает на его белый костюм.

Скалозуб стоит с опущенными руками, злой, бледный.

Ребята, тоже бледные, молча стоят на своих местах.

Пит, ни слова не говоря, огибают Скалозуба, опускается со сцены и идет, одинокий, через пустынный и темный зал.

У выхода он оглядывается.

Сцена ярко освещена, ребята стоят, на плечах гитары, за ударником – Юрка, всегда улыбающийся, а теперь растерянный и бледный, а Скалозуб закуривает и начинает им что-то тихо объяснять.

...Да, вот так все оно и было.

Пит вытащил соломинку и одним глотком допил коктейль. Он по-прежнему сидел один. Холуй Леша по каким-то высоким соображениям заставлял мерзнуть непривелегированную очередь.

Пит встал, протолкался к стойке и взял уже два коктейля: что лишний раз бегать. Когда он вернулся, зазвучали колонки, висящие по углам заведения – как иконы, – и начал пульсировать красными огнями светомузыкальный экран на стене. За окном, где жалась к входу несчастная очереденка, зазвучала та же мелодия, и в такт ей вспыхивали лампы, освещая вывеску «Мест нет». «Удивительное издевательство, – подумал Пит, глядя через стекло на топчущихся перед запертой дверью людей, – удивительное».

...Он подждал тогда Скалозуба. Здание Дома культуры было монументально и мрачно. Фасад его по-оперному освещал один фонарь. Пит караулил на другой стороне улицы, притаившись за деревом. Он ждал долго. Мимо проходили молодые веселые люди. Они оживленно разговаривали. Изредка проезжали машины.

Вдруг полил дождь, внезапный, бурный, совсем летний. Пит весь вымок, но не замечал этого. Наконец Скалозуб вышел. Пит инстинктивно отпрянул, потом засмеялся про себя. Скалозуб, сценически освещенный единственным фонарем, немного постоял, прислушиваясь к дождю, и распустил свой элегантный зонтик. Падали последние струйки дождя. Недруг шел по пустому тротуару, аккуратно переступая лужи; Пит по-кошачьи двигался за ним по другой стороне улицы. Сзади и сбоку лицо Скалозуба напоминало осетра. Его хотелось назвать костистым.

«Слушай, Скалозуб, ты помнишь, как ты принес нам стихи, те самые, где «в грозные годы нас рожала земля»? Ты говорил, что это стихи фронтового поэта. Ты смущался, Скалозуб: ведь это были твои стихи. Ты их написал, ты, который раз в три месяца меняешь джинсовые костюмы, которому на двадцатилетие папа подарил «Запорожец»!.. Это тебя-то в грозные годы рожала земля?! Фронтовой поэт... А помнишь, как ты выступал на собрании, когда выгоняли Вальку Рыжова? Как ты был вальяжен, благообразен!.. У нас высшее учебное заведение, а не вытрезвитель и не наркологическая клиника, говорил ты. Наш институт готовит красных инженеров. Нужно жестче подходить к нарушителям социалистической морали.

А Валька Рыжов талантлив и в тысячу раз достойнее тебя быть красным инженером! Тебе плевать на это, знаток социалистической морали. Тебе плевать на то, что парень раз всего сорвался, что у него больная мама и сестренка...

Ханжи чертовы! Раз в неделю устраивают в общежитии облавы: кто пьет. А что там еще делать, если не пить? Телевизор, танцы... И то – напротив института *точка*: портвейн, водка.

Три минуты ходьбы – еще одна, работают с утра до поздней ночи. Рядом – распивочная. Сто грамм водки, бутерброд. Рядом – пивная. Три остановки на трамвае – еще одна. Около – опять-таки магазин. Ханжи! Борцы с пьянкой!»

Скалозуб вышел на широкую улицу, по которой неслись красные огоньки машин, и неожиданно вскочил в подошедший к остановке троллейбус. В первый момент Пит даже растерялся, а потом заметался по мокрой мостовой, замахал зеленым огонькам, остановил наконец такси, плюхнулся на переднее сиденье, мокрый, помятый, и выдохнул:

– За тем троллейбусом.

Пит настиг Скалозуба у его дома.

Это была старая, купеческая, разлапистая Москва.

Темный тротуар лоснился от дождя.

Каблуки Скалозуба стучали в пустынном переулке.

Вдруг Скалозуб свернул в подворотню. С улицы подворотня выглядела как нора в теле дома. Пит быстро и бесшумно метнулся к ней, заглянул.

Скалозуб уже был в конце ее, он перепрыгивал островки какой-то липкой дряни, которой в изобилии в таких подворотнях. Его фигуру освещал робкий электрический фонарь.

– Стой, – хриплым голосом сказал Пит.

В руке он сжимал перочинный нож, ножичек для разрезания «Футбол-хоккея» и для очистки яблок. Скалозуб обернулся. Увидел Пита, мокрого, окровавленного, который бесшумно, как привидение, стоял на пороге подворотни, увидел блеснувший в его руке нож, и его острое рыбое лицо вдруг в одно мгновение переменилось, как будто выбили из него какие-то внутренние подпорки. Оно стало подобострастным, жалким, жалким...

Пит еще никогда не видел такого жалкого лица.

Они стояли молча, друг против друга, по обеим сторонам глухой и длинной подворотни. Молчание длилось минуту. Пит швырнул в грязь, на середину подворотни, ножичек с перламутровой рукояткой, повернулся и, ни слова не говоря, вышел.

Дождь припустил снова, Пит шел по мокрым и глухим улицам, и ему хотелось плакать...

...Пит не заметил, как допил второй коктейль. Ничего не изменилось, только сознание покрылось легкой пленкой, как бы слоем полировки.

Музыка меж тем кричала вовсю. Публика танцевала. Рядом со столиком Пита плясал, образуя кружок, табунчик девочек. Они двигались хорошо – как заведенные куклы. Казалось, что идет работа какого-то скучного, четко отлаженного механизма.

В центре зала, как украшение, как гвоздь программы, элегантная пара вполне стильно выдавала рок-н-ролл.

Рядом с ними сорокалетний лысый гражданин, непонятно зачем забредший в это молодежное заведение, пытался изобразить что-то вроде вальса-бостона с юной толстушкой. Толстушка делала за его спиной страшные глаза окружающим и прыскала.

За столиком подле Пита двое угасали над коктейлями – один совсем обрубился и спал, уронив голову на стол, а второй напряженно пялился на Пита, и лицо у него было такое, как будто он только что забыл какую-то очень важную мысль.

– Я сто пятьдесят рублей! Вчера!.. – вдруг выкрикнул он и гордо повел головой – мол, ну-ка, что вы на это скажете?

– Все нормально, отец, – серьезно ответил Пит. Ему вдруг стало весело.

«Отец» был одет с дикой, вызывающей роскошью: кожаный пиджак цвета зернистой икры, под пиджаком – фирменная джинсовая курточка, под ней – батник немислимой расцветки, да еще на толстых и коротких пальцах два огромных серебряных перстня. Лимита!

– Вчера с Норильска приехал! Пропил!.. Сто восемьдесят рублей!.. – приободренный вниманием Пита, снова выкрикнул тридцатилетний «отец». «Эге, – весело подумал Пит, – ставки повышаются. Только что было сто пятьдесят».

«Отец» еще немного посидел, важно тараща глаза, а потом церемонно изрек, ни к кому особенно не обращаясь:

– Я вас покину на несколько минут, – и, покачиваясь, пошел к выходу. В дверь он впился с трудом. Его товарищ спал, уронив голову на стол. Пит улыбнулся.

Вдруг – грохот, звон!.. Пьяный товарищ «отца» бахнулся на пол, упало его кресло, звякнул разбитый бокал. Сладкая лужа коктейля расплылась по столу... Пит вскочил, поднял за шиворот пьяного, который даже глаз не открыл, встряхнул его (тот неудержимо вываливался из его рук, как куль с мукой). Подскочил откуда ни возьмись «отец», придержал своего товарища. И холуй Леша, толстая будка, тут как тут:

Конец ознакомительного фрагмента.

9) (. , .